

ШЕДЕВРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

ЭЛИС ПИТЕРС

ОДИН
ЛИШНИЙ
ГРУП

РИПОЛ КЛАССИК

Хроники брата Кадфаэля

Эллис Питерс

Один лишний труп

«РИПОЛ Классик»

1979

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

Питерс Э.

Один лишний труп / Э. Питерс — «РИПОЛ Классик»,
1979 — (Хроники брата Кадфаэля)

ISBN 978-5-386-12864-7

Детективный роман английской писательницы Эллис Питерс (1913–1995) из серии о расследованиях сыщика-любителя брата Кадфаэля. После осады замка Шрусбери королем Стефаном монаху предстоит похоронить девяносто четырех убитых. Однако он обнаруживает лишнее тело...

УДК 82-32
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-386-12864-7

© Питерс Э., 1979
© РИПОЛ Классик, 1979

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эллис Питерс

Один лишний труп

Ellis Peters

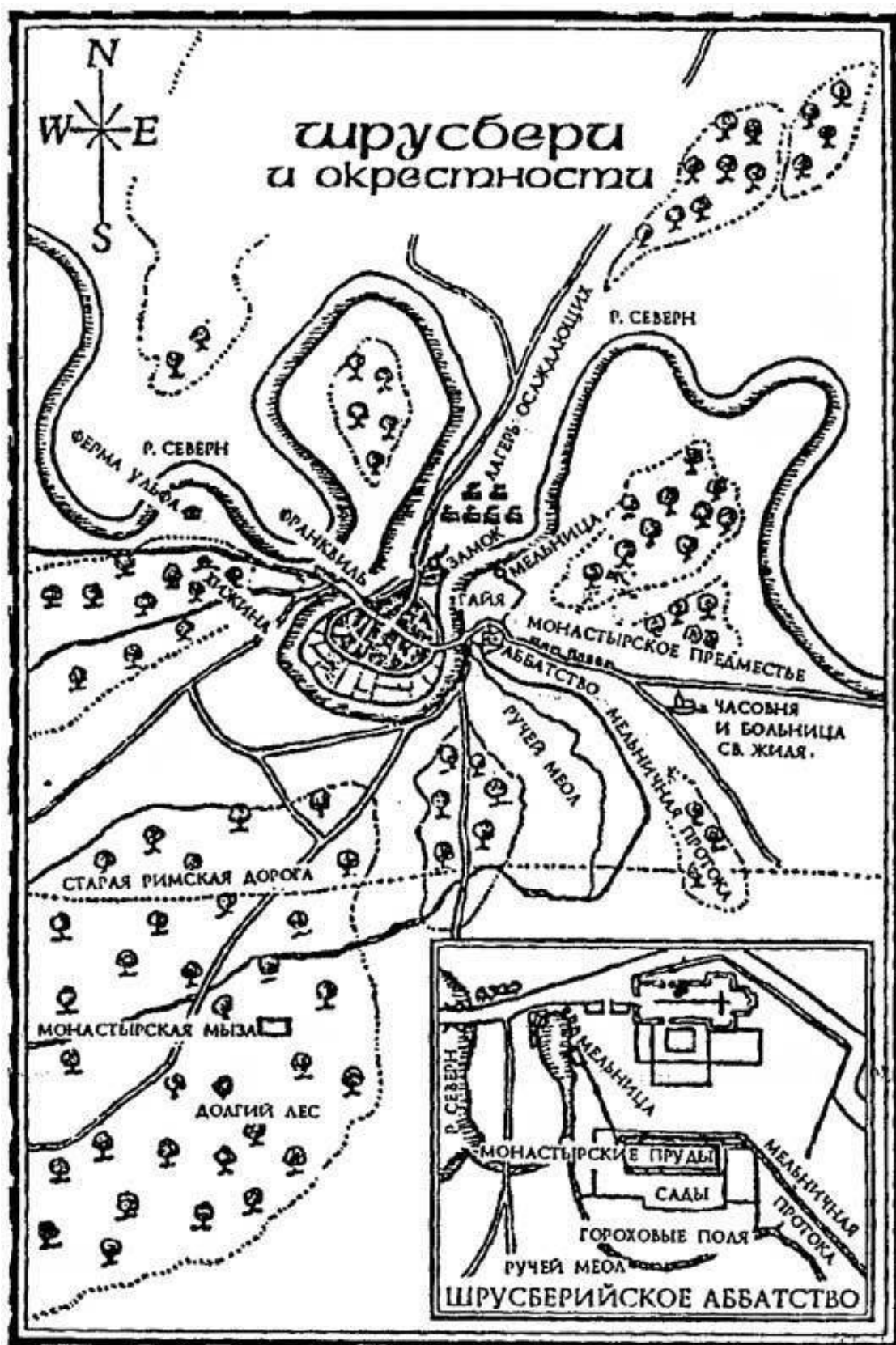
One Corpse Too Many

© Storyside. 2021

© Волковский В. Э., наследники, перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

* * *

Глава первая

Брат Кадфаэль возился в садике близ рыбных прудов аббатства, когда к нему привели этого паренька. Стоял жаркий августовский полдень, и будь у Кадфаэля надлежащее число помощников, они в этот час наверняка бы похрапывали в тени, вместо того чтобы проливать пот под палящим солнцем. Однако вышло так, что один из его постоянных подручных решил, что монашество не его призвание, и, не дождавшись окончания срока послушничества, предпочел присоединиться к своему старшему брату, который в гражданской войне за корону Англии принял сторону короля Стефана. Другой, семейство которого принадлежало к числу сторонников императрицы Матильды, прослышав о приближении королевской армии, смекнул, что если дело дойдет до осады Шрусбери, родовой замок в Чешире укроет его надежнее, чем стены обители. В результате все заботы о саде легли на плечи Кадфаэля, но ему доводилось работать в куда более жарких краях, и он твердо держался того мнения, что, если даже весь мир впадет в хаос, в его владениях сохранится должный порядок.

К началу лета 1138 года братоубийственная война продолжалась уже два года, но до сих пор протекала в основном в виде беспорядочных стычек и схваток и никогда еще не подступала так близко к стенам Шрусбери. Теперь же смертельная угроза, словно тень, нависла над городом и замком. Но все же брат Кадфаэль и сейчас думал лишь о жизни и плодородии, а вовсе не о разрушении и смерти. И уж само собой, он был далек от мысли, что спокойное течение избранной им жизни вскоре будет нарушено, что ему придется столкнуться с убийством – умышленным убийством, совершенным исподтишка, которое и в это буйное время считалось преступлением.

При обычных обстоятельствах в августе в саду было не так уж много работы, но одному человеку, для того чтобы обихаживать все как следует, приходилось трудиться не покладая рук. Единственным помощником, которого смогли предложить Кадфаэлю, оказался брат Афанасий, да только тот был глух, по старости лет почти выжил из ума, и трудно было надеяться, что он сумеет отличить полезную траву от сорняка. Кадфаэль решительно отклонил это предложение, рассудив, что лучше уж управляться самому.

Ему нужно было подготовить грядку для поздних сортов капусты, подобрать и высеять семена, которые перенесут зиму и дадут всходы по весне, собрать горох да еще и убрать сухие стебли, оставшиеся от прошлого урожая, пригодные на подстилку и корм скоту. И был здесь, в огороде, деревянный сарайчик, на полках которого выстроились стеклянные сосуды с настоянками на травах – предмет особой гордости брата Кадфаэля. Пспело самое время для сбора трав, и заготовка целебных снадобий на зиму тоже требовала немалой заботы.

Однако Кадфаэль был не из тех, кто допустил бы разор хотя бы в малой части своих владений, чем и отличался от венценосных персон – Стефана и Матильды, в борьбе за английский престол опустошавших страну за стенами обители. Стоило монаху поднять глаза от грядки, которую он удобрял навозом, и он видел клубы дыма, зависшие над городом и замком, и чувал едкий запах пепелища. Дым и смрад пожарищ обволакивали Шрусбери уже почти месяц, и все это время король Стефан рвал и метал в своем лагере под стенами замка Форгейт. Ему до сих пор не удалось овладеть мостами, а замок прикрывал единственный сухопутный подступ к городу. Между тем Вильям Фицаллан упорно отстаивал крепость, хотя и с тревогой поглядывал на тающие припасы, в то время как его дядя, неукротимый Арнульф Гесденский, так и не научившись соизмерять доблесть с осторожностью, демонстративно поносил короля. Горожане сидели тише воды, ниже травы, запирали двери и ставни и при первой возможности норовили унести ноги на запад, в Уэльс. Исконных своих врагов, валлийцев, англичане опасались меньше, чем короля Стефана. Валлийцев же вполне устраивало то, что англичане воюют с англичанами – если, конечно, Матильду или Стефана можно было считать англичанами –

и пока оставили Уэльс в покое. Поэтому они готовы были принять сколько угодно беглецов, лишь бы война продолжалась подольше.

Кадфаэль распрямил спину и утер пот с опаленной солнцем тонзуры: по тропинке навстречу ему суетливо спешил брат Освальд, ведавший раздачей милостыни. Полы его рясы развевались от быстрого шага, а за ним шел паренек лет шестнадцати в грубой коричневой тунике и коротких летних штанах, какие носят в деревне. Чулок у парнишки не было, но башмаки он носил кожаные, вполне приличные, да и сам выглядел ухоженным и опрятным, как будто его специально умыли для такого случая. Потупив глаза, паренек с боязливой покорностью шел, куда было велено.

«Вот и еще одна семья хочет избавить свое чадо от необходимости примкнуть к той или иной стороне, – подумал Кадфаэль, – и трудно упрекнуть ее в этом».

– Брат Кадфаэль! – обратился к нему Освальд, – сдается мне, что тебе нужен помощник, а этот малец уверяет, что не боится тяжелой работы. Одна добрая женщина из города привела его к воротам обители и попросила принять на выучку в служки. Она сказала, что он сирота, родом из Генкота, ей доводится племянником, и дала за него годичный вклад. Приор Роберт разрешил его взять: спать он будет с послушниками и в школу пойдет вместе с ними, но обетов принимать не станет, если, конечно, сам того не захочет. Ну, что скажешь на это? Берешь его?

Кадфаэль согласился без колебаний, довольный тем, что ему наконец-то предложили молодого, крепкого подручного, который к тому же не чурается тяжелой работы. Он с интересом пригляделся к парнишке – стройному, живому, с уверенной упругой походкой. Юнец осторожно поднял взгляд из-под кудрявой каштановой челки, и Кадфаэль увидел смысленные, пронизательные темно-голубые глаза, опущенные длинными ресницами. Держался новичок кротко и чинно, однако запуганным он не выглядел.

– Я рад тому, что ты будешь помогать мне, – сказал Кадфаэль, – даст Бог, приохотишься к работе на свежем воздухе. А как тебя зовут, паренек?

– Годрик, сэр, – отвечал мальчик тихим, хриловатым голосом, глядя на Кадфаэля так же оценивающе и серьезно, как и тот смотрел на него.

– Вот и хорошо, Годрик, мы с тобой поладим. А для начала, если ты не против, обойдем вместе все наши сады. Посмотришь, что у нас есть, да и просто пообвыкнешь за этими стенами. Не побоюсь сказать, многое здесь будет тебе в новинку, да только тут куда безопасней, чем в городе. Оттого-то, конечно, твоя добрая тетушка и привела тебя в монастырь.

Ясные голубые глаза на миг сверкнули и снова прикрылись ресницами.

– Смотри, приходи к вечерне с братом Кадфаэлем, – поучал брат Освальд. – Брат Павел, наставник послушников, после ужина покажет, где тебе отвели место, и расскажет о твоих обязанностях. И вникай во все, что говорит тебе брат Кадфаэль, да слушайся его как следует.

– Да, сэр, – ответил юноша со сдержанным достоинством и довольно кротко, хотя Кадфаэлю и показалось, что он подавил в себе зародившийся смешок.

Когда брат Освальд засеменил прочь, голубые глаза Годрика следили за ним, пока он не скрылся из виду, а затем обратились к Кадфаэлю. Его овальное лицо с широким решительным ртом было серьезным и даже хмурым, хотя до этого, похоже, паренек часто смеялся. «Увы, – подумал монах, – в такие беспокойные времена и самым беспечным не до смеха».

– Идем, поглядишь, какая тебе предстоит работенка, – добродушно сказал Кадфаэль, воткнул лопату в землю и повел нового помощника по окруженному забором саду, показывая ему овощные грядки, травы, которые наполняли воздух пьянящими ароматами, рыбные пруды и гороховые поля, спускавшиеся почти к самому ручью. С полей, которые были засеяны первыми, уже убрали урожай, и только высохшие стебли желтели под солнечными лучами. На тех же, что были засеяны позднее, стручки уже налились полновесным горохом.

– Все это нам надо собрать сегодня и завтра, а то при такой жаре стручки могут и за день усохнуть. А с тех полей, где горох уже собран, нужно убрать сухие стебли. Возьмись-ка для

начала за это, вместо меня. Ты их не выдергивай, срезай серпом, только поближе к земле. А корни мы запашем – это славное удобрение, – говорил Кадфаэль приветливо и непринужденно, чтобы отроку было легче освоиться в новой, непривычной обстановке. – Сколько лет тебе, Годрик?

– Семнадцать, – отозвался юноша хрипловатым голосом.

«Если и семнадцать, – подумал Кадфаэль, – то, верно, совсем недавно стукнуло. А земля здесь тяжелая, пусть пока займется чем полегче, а там видно будет».

– Усердия мне не занимать, – промолвил Годрик, словно угадав мысли Кадфаэля и слегка обидевшись на него. – Я многого не знаю, но буду делать все, что ты велишь.

– Значит, так тому и быть: начини-ка с гороха. Сухие стебли сваливай в кучу в сторонке – из них выйдет хорошая подстилка для хлева. А корни пусть отправляются обратно в землю.

– словно люди, – неожиданно сказал Годрик.

– Да, как люди, – отозвался Кадфаэль.

Слишком много народу преждевременно уходило в землю теперь, во время братоубийственной войны. Монах приметил, что отрок почти непроизвольно повернул голову и неотрывно смотрит через сад и крыши аббатства туда, где в облаке дыма высятся выщербленные стены замка.

– У тебя там родня, а, малый? – участливо спросил Кадфаэль.

– Нет, – торопливо ответил юноша, – но я не могу не думать о защитниках замка. В городе поговаривают, что он долго не продержится – падет не сегодня-завтра. А ведь они там, конечно же, стоят за правое дело! Перед смертью король Генри заставил своих баронов признать императрицу Матильду наследницей английского престола, и все они присягнули ей на верность. Она была единственным его ребенком, оставшимся в живых, и она должна стать королевой. И тем не менее, когда граф Стефан, ее кузен, самочинно короновался, многие лорды примирились с этим и забыли о своих клятвах. Разве это справедливо? По-моему, правы те, кто сохранил верность императрице. Как можно оправдать измену? И чем можно оправдать притязания графа Стефана?

– Оправдать, пожалуй, не то слово, – отозвался Кадфаэль. – Да только среди лордов немало таких, кто считает, что лучше, чтобы правил мужчина, а не женщина, и, по правде говоря, их больше, чем тех, кто придерживается противоположного мнения. Ну а коли нужен мужчина, то Стефан не хуже любого другого. Ведь он внук короля Вильгельма, так же как и Матильда.

– Но он не был сыном последнего короля, и если в его жилах и течет кровь Вильгельма, то благодаря его матери, а она была женщиной, так же как и Матильда. В чем же тут разница?

Сначала юноша говорил сдержанно, но потом увлекся, и голос его зазвучал звонко и страстно:

– На самом-то деле вся разница в том, что Стефан устремился сюда и захватил трон, тогда как императрица оставалась далеко, в Нормандии, и не ждала беды. А теперь, когда половина баронов, вспомнив о своих клятвах, решила поддержать законную государыню, время упущено. И чем это обернется, кроме крови и смерти? Скоро это коснется Шрусбери, и на Шрусбери не кончится!

– Дитя, – ласково промолвил Кадфаэль, – неужто ты и впрямь мне так доверяешь?

Паренек, который тем временем подхватил серп и размахивал им, чтобы приноровиться, обернулся и, взглянув на монаха неожиданно широко открытыми, беспечными глазами, ответил:

– Да, я тебе доверяю.

– И ты можешь положиться на меня, но только на людях держи рот на замке. Война затрагивает обитель, так же как и город, но наши-то ворота никогда не закрываются ни перед кем. Здесь всякие люди трутся, и в эти непростые времена наверняка найдутся и такие, что

станут распространять всякие рассказы, лишь бы заслужить милость победителя, а иные и на жизнь себе зарабатывают, собирая слухи. Так что держи свои мысли в голове – так оно безопаснее будет.

Юноша чуть отступил и понурился. Может быть, он почувствовал укор в словах монаха, а может быть, и нет.

– На твое доверие и я отвечу доверием, – продолжал Кадфаэль. – По мне, так разница между этими монахами невелика, главное же, чтобы человек был верен данному слову. Ну да ладно, давай-ка посмотрим, как у тебя дело пойдет, а я, как закончу капустную грядку, приду к тебе на подмогу.

Он наблюдал за тем, как новичок с большим рвением принялся за работу. Его грубая туника была скроена свободно и, словно мешок, перехваченный в талии, скрывала очертания гибкого тела. Очевидно, она досталась ему от кого-то из родственников, постарше и покрупнее, да и тот оставил пареньку одежку уже изрядно поношенной. «Да, дружок, – подумал Кадфаэль, – поглядим, надолго ли хватит у тебя прыти при такой-то жаре».

К тому времени, когда, покончив с капустой, Кадфаэль появился среди шуршащих сухих гороховых стеблей, чтобы выручить помощника, паренек уже обливался потом и тяжело дышал, но размахивал серпом, не сбавляя ходу. Кадфаэль сгреб охапку срезанных стеблей к краю поля и добродушно заметил:

– Не стоит превращать работу в подвижничество. Давай-ка оголяйся до пояса – куда как сподручней будет. – И с этими словами он спустил уже подоткнутую до колен рясу с могучих загорелых плеч, так что она складками свисала с пояса.

Но Годрик отреагировал вовсе не так, как ожидал Кадфаэль. На какой-то миг он замер с занесенным серпом, но тут же ответил: «А мне и так хорошо!» – и решительно продолжил свои труды. Однако голос его прозвучал чуточку выше, чем прежде, и Кадфаэль не уловил в нем юношеской хрипотцы, зато заметил, как румянец багряной волной залил шею и щеки парнишки.

Может, это кое-что и значит, хотя кто знает... Может быть, малый приврал насчет своего возраста – голосок-то его, судя по всему, совсем недавно стал ломаться и еще не установился. И вполне возможно, что под туникой у него нет рубашонки, вот паренек и стесняется обнаружить это перед новым знакомым. Ну что ж, проверить это можно и по-другому. И лучше не откладывать, потому что окажись то, что заподозрил Кадфаэль, правдой, тут будет о чем поразмыслить, и поразмыслить серьезно.

– Глянь-ка, – неожиданно воскликнул монах, – вон на ту цаплю: она у нас яйца таскает. – И он указал в сторону Меола, речушки, которую ничего не подозревавшая птица как раз перепрыгивала вброд, сложив огромные крылья. – Ты к ней ближе, чем я, малыш, ну-ка запусти в нее камнем.

По правде сказать, никакой вины за птицей не числилось, но, если догадка Кадфаэля была верна, ей ничто и не грозило.

Годрик уставился на цаплю, схватил внушительных размеров камень и швырнул его изо всех сил. При этом он широко и неловко размахнулся рукой, не сумев вложить в бросок даже небольшого усилия, и камень с плеском шлепнулся на мелководе, так что цапля, лишь слегка испугавшись, отлетела на несколько шагов.

– Ну-ну, – пробурчал себе под нос Кадфаэль и погрузился в раздумье.

В своем осадном лагере, раскинувшемся между широкими кольцами излучины Северна, преграждая подступ к замку Форгейт, король Стефан кипел от ярости. Он пировал, чествуя немногих верных жителей Шрусбери – верных, разумеется, его особе, – которые явились в лагерь, чтобы предложить свою помощь, и готовил отмищение тем многим неверным, которые явиться не удосужились.

Король был крупным, шумливым, бесхитростным, отличался привлекательной внешностью и нежным цветом лица. По натуре он был незлобив, однако сейчас его терзала горечь обиды. Поговаривали, что он тяжеловат на подъем, но, когда его дядя, король Генри, умер, не оставив иного наследника, кроме дочери, которая была замужем за графом Анжуйским и жила во Франции, то невзирая на то, что вассалы короля покорно склонились перед его последней волей и признали Матильду королевой, Стефан, единственный раз в жизни, нанес стремительный и точный удар, так удивив этим своих будущих подданных, что они приняли его в качестве государя за его личные достоинства, не успев даже вспомнить о собственных интересах, не говоря уже о данных ими клятвах. Так почему же после столь удачного начала все вдруг пошло вкривь и вкось? Стефан никак не мог взять в толк, с чего это добрая половина его маломальски влиятельных вассалов, оправившись от изумления, вызванного его лихим наскоком, затеяла против него мятеж. Что подтолкнуло их к этому? Угрызения совести? Недовольство навязанным им монархом? А может быть, страх перед покойным королем Генри, который, не ровен час, обличит их в измене перед лицом Всевышнего?

Вынужденный серьезно отнестись к своим противникам и взяться за оружие, Стефан остался верен себе: в случае необходимости он действовал решительно и сурово, однако всегда был готов принять и простить кающихся. И каков же был результат? Он их щадил, а они злоупотребляли его добротой и презирали его за это. Продвигаясь на север, во владения мятежников, Стефан довольствовался выражением покорности с их стороны, оставляя виновных без наказания, а в итоге местные бароны принимали его доброту за слабость и вовсе не спешили искупить свою вину верной службой.

Ну что ж, завтра на рассвете штурм, который решит судьбу гарнизона Шрусбери и послужит уроком непокорным раз и навсегда. И если эти упрямцы из Центральной Англии не желают прислушаться к призывам своего короля, сложить оружие и выразить ему покорность, им придется приползти на брюхе, чтобы спасти свои шкуры. Что же касается Арнульфа Гесденского, который изрыгал хулу на короля со стен Шрусбери, то он горько пожалеет о своем бесстыдстве. Но сожаление его не будет долгим, ибо и жизнь его долго не продлится.

Под вечер в своем походном шатре король держал совет с Жильбером Прескотом, доверенным лицом Стефана, который был назначен шерифом Шрусбери, хотя и не имел еще возможности вступить в должность, и Виллемом тен Хейтом, капитаном фламандских наемников. Это было примерно в то самое время, когда брат Кадфаэль и Годрик мыли руки и приводили в порядок одежду, собираясь к вечерне.

Стефан не сумел заручиться военной поддержкой со стороны местного дворянства и посему вынужден был полагаться на своих фламандцев. Население же их ненавидело и как чужеземцев, и как бессердечных наемников, которым все одно – что напиться, что деревню спалить, что сделать и то и другое. Удача сопутствовала тен Хейту, рыжеволосому верзиле с длинными усами, и в свои тридцать лет он прослыл многоопытным воякой. Прескоту уже перевалило за пятьдесят. Спокойный и немногословный, этот рыцарь был умелым и грозным воином и осмотрительным советником. Прескот не принадлежал к сторонникам крайних мер, но сейчас даже он высказывался за самое суровое наказание:

– Вы, ваша милость, уже проявили великодушие, и им бесстыдно воспользовались, вам же во вред. Надобно нагнать на них страху.

– Только сперва, – сухо заметил Стефан, – было бы нехудо захватить замок и город.

– Это ваша милость может считать уже сделанным. То, что мы наметили на утро, откроет нам ворота Шрусбери. И если Фицаллан, Эдни и Гесден останутся в живых после приступа, ваша милость сможет обойтись с ними, как задумано. Что касается простых воинов, то я бы посоветовал, для острастки, не пощадить и их.

Король вполне мог бы удовлетвориться мщением трем главарям мятежа. Вильям Фицаллан был обязан ему должностью шерифа Шрусбери и все же посмел захватить замок и удер-

живать его от имени Матильды. Фальк Эдни, крупнейший из вассалов Фицаллана, не только потворствовал этой измене, но и всем сердцем поддержал своего вероломного сеньора. А Гесден... Теперь все проклятия, что изрыгали его уста, обратятся против него самого. Остальные просто пешки, марионетки, и если для пользы дела придется пустить их в расход, то так тому и быть.

– Как я слышал, – сказал Прескот, – в городе поговаривают, что Фицаллан успел отослать жену и детей до того, как мы перекрыли дорогу на север. Но у Эдни тоже есть ребенок, дочь, и говорят, что она по-прежнему в городе. Они заблаговременно удалили всех женщин из замка.

Прескот сам был родом из этого графства и всех местных баронов знал, по меньшей мере, по имени.

– Дочь Эдни с детских лет обручена с Хью, сыном Роберта Берингара из Мэзбери, что у Овестри, – продолжал он. – Их земли граничат. Я потому упоминаю об этом, ваша милость, что это тот самый человек, который сейчас дожидается аудиенции. Используйте его, как сочтете нужным, но знайте, что до сего дня он был приспешником Фицаллана, а стало быть, врагом вашей милости. Так что решайте сами. Если он задумал переметнуться на вашу сторону, это очень хорошо, ибо у него под началом немало людей и он может нам пригодиться, но я бы не стал слишком ему доверять.

Офицер стражи вошел в шатер и замер, ожидая, когда ему разрешат говорить. Это был Адам Курсель, правая рука Прескота, виднейший его вассал, в свои тридцать лет уже повидавший немало сражений.

– Двое дожидаются аудиенции у вашей милости, – заговорил Курсель, когда король обернулся, давая понять, что увидел его, – в том числе леди. Не соблаговолите ли вы принять ее первой? Она еще нигде не устроилась на ночь, и ввиду позднего часа... Эта молодая леди говорит, что ее имя Элин Сивард и она недавно похоронила отца, который всегда был вашим сторонником.

– Время нас поджимает, – отозвался король. – Пусть войдут вместе, а леди будет говорить первой.

Курсель за руку ввел в королевский шатер девушку, выказывая ей всяческие знаки внимания и восхищения, которых она, несомненно, заслуживала. Девушка была стройна, и, вероятно, ей было не больше восемнадцати лет. Строгое траурное облачение – белая шапочка и плат, из-под которого выбилось несколько прядей золотистых волос, – лишь подчеркивало очарование юности и придавало ей трогательный вид. Держалась она робко, но с достоинством, даже с какой-то наивной гордостью. При виде короля девушка присела, и ее большие глаза цвета темных ирисов удивленно расширились: она явно не ожидала, что государь так хорош собой.

– Сударыня, – промолвил Стефан, протягивая ей руку, – я только что услышал о вашей потере и от всего сердца скорблю вместе с вами. Если я могу быть чем-нибудь вам полезен, располагайте мной – я в вашем распоряжении.

– Доброта вашей милости безгранична, – произнесла девушка с благоговейным трепетом. – Я сирота – из всего нашего рода осталась только я, чтобы предстать перед вами, подтвердить свою верность и исполнить вассальный долг. Я выполняю желание отца, и если бы не его болезнь и кончина, то он явился бы сам, или же я появилась бы гораздо раньше. До того, как войско вашей милости осадило Шрусбери, мы не имели возможности вручить вам ключи от двух замков, которыми владеем. Я делаю это сейчас.

Служанка девушки, молодая женщина со сдержанными манерами, которая была на добрый десяток лет старше своей госпожи, вошла в шатер вместе с ней и во время беседы молча стояла в стороне. Теперь она выступила вперед и отдала ключи Элин, а та согласно обычаю вложила их в руки короля.

– Мы можем привести в войско вашей милости пятерых рыцарей и более сорока ратников, но в настоящее время я оставила всех своих людей в замках – мне кажется, что они будут полезней вашей милости там.

Она перечислила свои владения и назвала по именам своих кастелянов. Девушка говорила как ребенок, который затвердил свой урок, но с достоинством и серьезностью выдавшего виды военачальника.

– И еще, ваша милость, как бы ни было мне горько, я должна признаться в том, что у меня есть брат и именно ему следовало бы быть здесь, чтобы выполнить свой вассальный долг. – Голос Элин слегка дрогнул, но она собралась с духом и продолжила: – Когда вы, ваша милость, возложили на себя корону, мой брат Жиль выступил в поддержку императрицы Матильды. Он порвал с отцом и ушел из дому, чтобы присоединиться к ее сторонникам. Где он сейчас, я не знаю, хотя до меня доходили слухи, что он уехал во Францию. Я не посмела бы оставить вашу милость в неведении относительно этого прискорбного разлада, который печалит меня, как, должно быть, и вас. Но я надеюсь, что, несмотря на это, вы не откажетесь принять мою преданность, а воспользуетесь всем, что есть в моем распоряжении, по своему усмотрению, как желал бы мой отец и как этого желаю я.

Она облегченно вздохнула, словно сбросила с себя нелегкую ношу. Король был очарован. Он взял девушку за руку, привлек ее к себе и поцеловал в щеку. Судя по выражению лица Адама Курселя, он в этот момент отчаянно позавидовал королю.

– Упаси Боже, – промолвил Стефан, – чтобы я позволил себе хотя бы на самую малость усугубить выпавшие на вашу долю горести и печали или не попытаться умерить их, насколько это в моих силах. От всей души благодарю вас за выражение преданности, которое столь же дорого для меня, как клятва верности графа или барона. Вы взяли на себя труд помочь своему королю, и он признателен вам за это. А теперь скажите: чем я могу услужить вам в данный момент, ибо в воинском стане едва ли найдется для вас подходящее прибежище, а я слышал, что вы еще не позаботились об этом. Между тем близится ночь.

– Я думала, – застенчиво ответила девушка, – что смогу остановиться в странноприимном доме аббатства, если бы удалось раздобыть лодку, чтобы переправиться через реку.

– Разумеется, вы получите надежный эскорт, чтобы безопасно переправиться на другой берег. Кроме того, мы обратимся к аббату с просьбой предоставить в ваше распоряжение один из принадлежащих обители домов милосердия, где вы сможете жить совершенно спокойно, пребывая под нашей защитой, пока мы не выделим отряд, чтобы сопроводить вас домой.

Стефан огляделся по сторонам, подыскивая, кого бы назначить сопровождать девушку, и не мог не заметить, что лицо Адама Курселя светилось надеждой. У молодого человека были блестящие каштановые волосы, пылающие карие глаза – и он отменно служил своему королю.

– Адам! Проводи леди Сивард и проследи, чтобы она была благополучно устроена, – приказал король.

– С превеликой радостью, ваша милость, – пылко откликнулся Курсель и с готовностью предложил Элин руку.

Хью Берингар внимательно посмотрел на проходившую мимо девушку. Рука ее послушно лежала в широкой загорелой ладони, глаза были опущены. Теперь, когда она добросовестно исполнила свой долг, на ее милом нежном личике с высоким, благородным челом не отражалось ничего, кроме усталости и печали.

Во время ее беседы с королем Хью находился поблизости от шатра и слышал каждое слово. Сейчас она выглядела так, будто в любой момент готова была разрыдаться, словно маленькая девочка, дитя-невеста, которую, разряженную как куклу, вывели показать сватам, а затем спровадили обратно в детскую. Королевский офицер вышагивал рядом с ней с видом покоренного победителя – и его можно было понять.

– Войдите, король ждет вас, – зычный голос тен Хейта зазвучал у самого уха Хью. Он повернулся и, пригнув голову, шагнул под навес шатра. Внутри было сравнительно темно, отчего красота и стать короля не сразу бросались в глаза.

– Я здесь, мой государь, – сказал Хью и поклонился. – Хью Берингар из Мэзбери готов служить вашей милости всем, что имеет. У меня не так уж много людей – всего шесть рыцарей и с полсотни вооруженных ополченцев, но половина из них лучники, и весьма умелые. Все они в вашем распоряжении.

– Нам известно ваше имя, мастер Берингар, – суховато отозвался король, – так же, как и ваше положение, однако я не могу сказать того же о вашей преданности нам и нашему делу. Меня информировали, что до недавних пор вы числились соратником этих изменников – Фицаллана и Эдни. И если даже вы и решили порвать с ними, то не слишком ли долго размышляли? Я здесь уже четыре недели, но вестей от вас до сих пор что-то не было.

– Ваша милость, – произнес Берингар, и видно было, что он не обескуражен холодным приемом и не спешит оправдываться, – я знаю этих людей с детства. Вы именуете их изменниками, но я привык почитать их пэрами и видеть в них своих друзей – и они отвечали мне тем же. Всем введома справедливость вашей милости – признайте же, что такому человеку, как я, который еще никому не принес вассальной присяги, требовалось время на раздумье, чтобы в нынешних обстоятельствах выбрать верный путь и принять окончательное решение. То, что претензии дочери короля Генри не лишены оснований, не вызывает сомнений. А посему я не могу назвать человека предателем за то, что он встал на ее сторону, хотя и могу упрекнуть его, что он нарушил данную вам клятву. Я же унаследовал свои земли всего лишь несколько месяцев тому назад и пока еще никому не клялся в верности. Я обдуманно сделал свой выбор, и теперь я здесь. А те, кто примкнул к вам без размышлений, могут с той же легкостью и изменить вам.

– Ну а вы, стало быть, не измените? – скептически спросил король. Внимательно и оценивающе он рассматривал этого уверенного в себе и, пожалуй, чересчур бойкого на язык молодого человека. Стройный, даже худощавый, и не слишком высокий, он отличался уравновешенными уверенными движениями и, по всей видимости, мог взять быстротой и ловкостью там, где ему не хватило бы роста и силы. На вид ему было года двадцать два – двадцать три. Трудно было сразу раскусить, что на уме у этого нового вассала: его благородное лицо с густыми темными бровями и глубоко посаженными глазами было непроницаемо и не выдавало его истинных намерений. Его прямолинейность, возможно, была и искренней, однако нельзя было исключить и того, что за ней скрывался тонкий расчет. Такой человек вполне способен был все взвесить и рассудить, какая мера смелости допустима и не вызовет неудовольствия государя.

– Я не изменю, – твердо ответил Берингар. – Но вашей милости вовсе не обязательно полагаться на мое слово. Меня можно подвергнуть испытанию – я готов к этому.

– Вы привели с собой своих воинов?

– Здесь со мной только трое. Было бы недомыслием и безрассудством оставить хороший замок без охраны или с таким гарнизоном, который все равно не смог бы его защитить. И невелика была бы услуга просить вашу милость кормить еще пятьдесят едоков, когда провизия в лагере ограничена. Но стоит вашей милости приказать – и все будет исполнено.

– Не так быстро, – усмехнулся Стефан, – возможно, кое-кому тоже нужно время, чтобы поразмыслить, прежде чем заключить вас в объятия. Ведь совсем недавно вы были близки с Фицалланом, не так ли?

– Истинно так. И я по-прежнему ничего не имею против него лично. Но он избрал один путь, а я – другой.

– И насколько я слышал, вы обручены с дочерью Фалька Эдни?

– Не знаю даже, как ответить на это: «обручен» или «был обручен». Сейчас время такое, что многое из того, что было задумано прежде, пришлось пересмотреть – и это касается не

только меня. Нынче я понятия не имею, где находится эта девушка, и даже не знаю, осталась ли в силе наша помолвка.

– Говорят, что женщин в замке уже нет, – промолвил король, пристально глядя на молодого человека. – Возможно, семья Фицаллана уже далеко отсюда, вполне вероятно, что они покинули Англию. Однако есть основания полагать, что дочь Эдни еще в городе. И нам бы хотелось, – произнес Стефан с легким нажимом, – чтобы столь высоко ценимая леди находилась в безопасном месте – на тот случай, если и нам придется пересмотреть то, что было задумано. Вы были соратником ее отца, и кому, как не вам, знать, где она может укрыться. Когда будет открыт доступ в город, то именно вы прежде всего сумеете ее разыскать.

Молодой человек поднял на короля проницательные глаза, в которых можно было прочесть лишь понимание – и ничего более. Он остался невозмутим и не выказал ни удовлетворения, ни недовольства тем, что на него возложено поручение, от успеха которого зависит королевская благосклонность. Он отвечал Стефану учтиво и выглядел вполне искренним:

– Именно это я и собирался сделать, ваша милость. Я думал об этом, еще когда покидал Мэзбери.

– Хорошо, – король, казалось, был удовлетворен этим ответом, – мы принимаем вашу службу. Можете остаться при войске до падения города, но у вас нет неотложных дел при нашей особе. Где вас можно будет сыскать в случае нужды?

– В странноприимном доме аббатства, – отвечал Берингар. – Надеюсь, что у бенедиктинцев найдется для меня место.

Юноша Годрик отстоял вечерню среди учеников, послушников и прочей мелкой сошки, позади принявших обет братьев и поблизости от мирян, которые жили на этом берегу реки и могли по-прежнему посещать монастырскую церковь. Кадфаэлю, разглядевшему его в толпе, он показался маленьким, несчастным и одиноким. Лицо парнишки, живое и едва ли не дерзкое во время их разговора в саду, здесь, в церкви, было довольно унылым. Близилась ночь – его первая ночь в стенах обители. Впрочем, дела Годрика были не так плохи, как он сам полагал, а испытание, к которому он себя готовил, могло и миновать его, во всяком случае этой ночью – разумеется, не без помощи брата Кадфаэля. Под надзором брата Павла было достаточно юнцов, за которыми нужен глаз да глаз, и наставник послушников был бы только рад сбыть с рук одного из них.

Во время ужина Кадфаэль отметил, что ест Годрик от души. Очевидно, парнишка относился к людям, способным противостоять собственным страхам, и не позволял малодушию овладеть собой. У него достало ума понять: чтобы дух был силен, не худо подкрепить и плоть. И что тоже было добрым знаком – когда Кадфаэль по выходе из трапезной положил руку на плечо юноши, тот поднял на него глаза с радостью и облегчением.

– Пойдем, дитя, до повечерия мы свободны, а в садах сейчас прохладно, не то что здесь. Нет нужды сидеть в духоте, если ты, конечно, сам этого не хочешь.

Годрик, конечно же, этого не хотел. Он обрадовался возможности провести летний вечерок на свежем воздухе. Они не спеша спустились к рыбным прудам и гербариуму – саду, где были высажены травы. Идя рядом с Кадфаэлем, юноша подпрыгивал и беспечно насвистывал, но вдруг остановился и спросил:

– Мне сказали, что наставник послушников захочет видеть меня после ужина, а я ушел с тобой – хорошо ли это?

– Не бойся, дитя мое, я уже поговорил с братом Павлом и получил его благословение. Он не против, ведь ты теперь мой подручный и я отвечаю за тебя.

Отворив калитку, они прошли в огороженный забором садик и погрузились в ароматы, которыми был щедро напоен прогретый солнцем воздух. Они вдыхали сладкое благовоние цветов, целый букет благоуханий: розмарин, чабрец, фенхель, укроп, шалфей, лаванду – уди-

вительный мир нежных запахов. Весь день солнце пронизывало сад своими жаркими лучами, и даже теперь, в вечерней прохладе, волна ароматов кружила голову. Стрижи с громкими криками выписывали круги над садом.

Они подошли к деревянному сарайчику. От его просмоленных бревенчатых стен тянуло теплом. Кадфаэль открыл дверь и сказал:

– Ты будешь спать здесь, Годрик.

В конце помещения стояла низкая, аккуратно застеленная лавка. Паренек устался на нее и поежился под рукой Кадфаэля.

– У меня здесь готовятся разные снадобья, и некоторые из них нуждаются в постоянном присмотре. Иные надо проверять каждое утро, очень рано, иначе они испортятся. Я покажу, что тебе предстоит делать, – это не так уж трудно. Так что здесь тебе спать будет сподручней. А вот решетка – видишь, ее можно открыть, чтобы поступал свежий воздух.

Дрожь унялась, но паренек неотрывно, оценивающе смотрел на Кадфаэля большими темно-голубыми глазами. Похоже, он готов был улыбнуться, но в то же время от него исходила аура задетого самолюбия. Кадфаэль повернулся к выходу и указал на тяжелый засов, которым можно было запереть дверь изнутри – так, чтобы никто не сумел открыть ее снаружи.

– Ты можешь отгородиться от всего мира, и от меня в том числе, пока сама не захочешь выйти наружу.

Юноша Годрик, который вовсе не был юношей, устался на монаха полуобожженно, полувосторженно, но явно успокоенно.

– Как ты догадался? – спросила девушка, воинственно задрав подбородок.

– А как ты собиралась устроиться на ночь в общей спальне с послушниками? – вопросом на вопрос ответил Кадфаэль.

– О, я бы с этим справилась. Мальчишки, они не слишком сообразительны, я бы запросто их надула. Под этой дерюгой, – она захватила в горсть полу просторной туники, – все тела выглядят одинаково, к тому же мужчины слепы и глупы. – Тут она рассмеялась, вспомнив, насколько не слеп и не глуп оказался Кадфаэль, и от этого окончательно превратилась в девушку, причем прехорошенькую в своем непринужденном веселье.

– Ну не ты, конечно, не ты. Но как ты сообразил? Я так старалась, думала, что все делаю, как надо. В чем же я ошиблась?

– У тебя здорово получалось, – успокаивающе произнес Кадфаэль, – но, дитя мое, я сорок лет мотался по белу свету, прежде чем надел рясу и бросил якорь в этой мирной, зеленой, ароматной гавани. Ты спрашиваешь, в чем ты ошиблась. Только не обижайся на то, что я тебе скажу, – пойми, что я твой союзник и хочу дать тебе добрый совет. Когда ты начала спорить и увлеклась, голос у тебя стал высоким, но не ломким, как у отроков твоего возраста. Впрочем, научиться подделывать голос можно – я тебе покажу на досуге. И еще, помнишь, я предложил тебе раздеться, чтобы чувствовать себя свободней – да нечего краснеть. Ты как-то отговорила, но я уже тогда был почти уверен. И наконец, когда я попросил тебя бросить камень в цаплю, ты швырнула его так, как это делают девчонки, из-под руки. Где это ты видела, чтобы мальчишки так кидались камнями? Так что не позволяй, чтобы кто-нибудь хитростью вынудил тебя бросить камень, пока не набьешь как следует руку. Это выдаст тебя сразу.

Он замолчал и посмотрел на девушку, а она шлепнулась на лавку, обхватив голову руками. Сначала она расхохоталась, потом заплакала и наконец стала смеяться и плакать одновременно. Кадфаэль не вмешивался, ибо понимал ее состояние. Ей требовалось понять, что она потеряла и что приобрела, и мужественно пересмотреть свои планы. Теперь он мог поверить в то, что ей действительно семнадцать лет – расцветающая женщина, и к тому же незаурядная.

Наконец она отплакалась, отсмеялась, вытерла слезы тыльной стороной ладони и улыбнулась – словно солнышко выглянуло после дождя.

– Ты правду сказал? Ты ведь сказал, что отвечаешь за меня. А я тебе верю!

– Дочка, милая, – ласково промолвил Кадфаэль, – ну что мне еще остается делать, как не помогать тебе во всем, в чем смогу, да не попытаться вызволить тебя отсюда и переправить в безопасное место.

– Но ты даже не знаешь, кто я, – изумилась девушка. – На сей раз это ты слишком доверчив.

– А что мне в твоём имени, дитя? Если одинокая девушка угодила в самое пекло, то надо непременно подсобить ей вернуться к родным – вот и весь сказ. Ты сама расскажешь мне, что считаешь нужным, а больше мне и знать не к чему.

– Думаю, мне лучше рассказать тебе все, – просто сказала девушка, вскинув на него широко открытые, бездонные глаза. – Мой отец сейчас либо в Шрусберийском замке, где ему угрожает смертельная опасность, либо вместе с Вильямом Фицалланом бежал в Нормандию, во владения императрицы, и за ними будет послана погоня. И скорее всего, люди короля, как только узнают о моем исчезновении, будут искать и меня, чтобы заполучить заложницу. Боюсь, что я стану тяжким бременем для всякого, кто захочет быть моим другом, ибо это опасно – даже для тебя, брат Кадфаэль. Я дочь главного сподвижника и друга Фицаллана. Мое имя Годит Эдни.

Осберн, калека, у которого обе ноги были иссохшими от рождения, умел с удивительной сноровкой передвигаться на маленькой дощатой тележке на колесиках, отталкиваясь руками, на которые были надеты деревянные башмаки. Из всех, кто отирался возле королевского стана, он был самым смиренным и жалким созданием. Прежде он просил подавания, пристроившись у ворот замка, но вовремя покинул ставшее небезопасным место и, как верный вассал, перебрался в лагерь короля, вернее, к его границе – настолько близко, насколько подпускала стража. Щедрость короля ко всем, кроме его врагов, была хорошо известна, и сборы у калеки были вовсе недурны. Высшие военачальники, правда, были слишком заняты, чтобы обращать внимание на какого-то нищего, но некоторые из них, смекнув, куда ветер дует, всеми способами искали расположения Стефана и подавали щедро, думая таким образом задобрить Господа Бога и выторговать себе удачу. Простые лучники и даже фламандцы, когда были свободны от службы и навеселе, тоже нередко швыряли Осберну несколько медяков, да к тому же ему перепадали остатки с солдатского стола. Обычно он устраивался на своей тележке под прикрытием купы невысоких деревьев, поблизости от передового поста. Там он мог рассчитывать поживиться корочкой хлеба, а то и разжиться выпивкой, а ночью согреться теплом от сторожевого костра. Хотя стояло лето, после дневной палящей жары ночь могла показаться очень даже холодной – особенно если тебя прикрывают лишь жалкие лохмотья, – и костер в таких обстоятельствах вдвойне приятен. Часовые на ночь обкладывали костер дерном, чтобы уменьшить жар, но света было достаточно, чтобы внимательно присмотреться ко всякому, кто приближался к лагерю в неурочный час.

Близилась полночь, когда что-то потревожило чуткий сон Осберна. Он встрепенулся и, напрягая слух, уловил шорох в кустах – слева, позади себя – в той стороне, где находился замок Форгейт, если идти к нему напрямик, а не по дороге. Кто-то приближался со стороны города, но не от главных ворот, а окольным путем, пробираясь скрытно вдоль берега реки. Осберн знал город как пять своих мозолистых пальцев. Если это лазутчик возвращается, то чего ради он продолжает таиться у самых лагерных ворот? А может быть, кто-то выбрался из города или замка через другие ворота, которые выходят прямо к реке?

Темная фигура, в безлунную ночь казавшаяся бесплотной тенью, выскользнула из кустов и, припадая к земле, стремительно метнулась к караульному посту. Часовой окликнул пришельца, и тот замер на месте в нетерпеливом ожидании. Осберн разглядел очертания гибкого тела, плотно закутанного в черный плащ, и мелькнувшее бледное лицо.

Человек, отозвавшийся на окрик часового, был молод, голос у него был высокий, торопливый и отчаянно взволнованный.

– Выслушайте меня. Я не вооружен. Отведите меня к начальнику стражи: мне надо кое-что рассказать – это послужит на пользу вашему королю.

Караульные подвели его к костру, наскоро обыскали, чтобы удостовериться, что у него действительно нет оружия, и заговорили между собой. Слова их не долетали до Осберна, но в итоге молодой незнакомец добился, чего хотел. Его повели в глубь лагеря, и он пропал из виду.

Задремать снова Осберну не удавалось, ибо ночной холод пробирал его сквозь лохмотья. «Вот если б добрый Боженька послал мне такой чудесный плащ!» – размечтался калека. Однако он заметил, что и обладатель этого великолепного плаща трясся не меньше его самого, и дрожащий голос неизвестного выдавал страх и неуверенность. Любопытное происшествие, да только какой с него прок убогому нищему? Осберн полагал, что никакого, пока та же фигура не появилась вновь из темной глубины лагеря и не остановилась у поста. Теперь незнакомец двигался легким, размашистым шагом, он больше не прятался и не выглядел перепуганным. Очевидно, ему вручили какой-то знак, по предъявлении которого часовые обязаны были беспрепятственно выпустить его из королевского стана.

Осберн расслышал несколько слов: «Мне надобно вернуться... Не должно возникнуть подозрений... Я получил приказ...»

Ага, смекнул калека, верно, дело у него выгорело, глядишь, и расщедрится на подавание. Он торопливо выкатил тележку навстречу человеку в плаще, протянул руку и взмолился:

– Подайте, ради Всевышнего, добрый господин. Если Господь проявил милосердие к вам, будьте и вы милосердны к обездоленному.

Он рассмотрел бледное лицо незнакомца, поймал его взгляд и услышал вздох, полный облегчения и надежды. В трепещущем свете костра сверкнула искусно сработанная металлическая застежка, скреплявшая плащ у горла. Из многочисленных складок плаща появилась рука, и в протянутую ладонь нищего упала монета.

– Помолись за меня завтра, – едва слышно прошептал молодой человек и бесшумно исчез в тени деревьев, прежде чем Осберн успел призвать на него благословение в благодарность за милость.

Перед самым рассветом беспокойный сон Осберна снова был прерван, и на сей раз он поспешил убраться в кусты подальше от ворот, ибо с первыми лучами восходящего солнца весь королевский лагерь пришел в движение. Подготовка к штурму проходила в полном порядке, спокойно и деловито – так что калека скорее почувствовал, чем услышал, как ратники собираются, выстраиваются в колонны, как проводят перекличку и проверяют оружие. Казалось, что тяжелая поступь полков растворяется в утреннем воздухе – так что поначалу из лагеря не доносилось почти ни звука. Но распространяясь волнами в излучине Северна, захлестывая перешеек, представлявший единственный сухопутный подступ к городу, неуклонно нарастал грозный рокот – войско короля Стефана двинулось на последний приступ Шрусберийского замка.

Глава вторая

Задолго до полудня все было кончено. Ворота замка завалили вязанками хвороста и подожгли. Затем наступавшие проломили обгоревшие створки и ворвались в замок, одного за другим сметая его защитников и захватывая внутренние дворы: последние лучники, пытавшиеся сопротивляться были сброшены со стен и башен. Над цитаделью повисла тяжелая пелена дыма. Улицы словно вымерли – даже собаки куда-то попрятались. Как только королевское войско двинулось на штурм, мирные жители укрылись в подвалах со своими семьями, скarbом и домашними животными, заперлись на засовы и в страхе прислушивались к доносившемуся снаружи грохоту боя, звону оружия, крикам и стонам.

Длился приступ совсем недолго. Припасы подходили к концу, а гарнизон был вымотан осадой да и в числе изрядно поубавился, ибо пока была такая возможность, многие сочли за благо пуститься в бег. Никто не сомневался в том, что следующая атака обрушится на сам город и его постигнет участь крепости. Купцы Шрусбери, затаив дыхание, ждали неизбежного разграбления и вздохнули с облегчением, получив категорический приказ немедленно предстать перед самим королем. На этот раз Стефан лишил своих фламандцев возможности вволю пограбить, но не потому, что пожалел горожан. Король понимал, что положение его остается уязвимым: Шрусбери был враждебным и еще не умиротворенным городом, и потому он предусмотрительно повелел именитым горожанам оставаться при его особе в качестве заложников. Кроме того, у короля было не терпящее отлагательства дело, касавшееся защитников замка, и в первую очередь Арнульфа Гесденского.

Стефан горделиво прошеествовал в ратушу по задымленному, залитому кровью двору, на плитах которого еще валялось брошенное оружие. Курсель и тен Хейт получили приказ срочно схватить вождей мятежников и доставить их к королю. Прескота Стефан оставил при себе: ключи от замка уже были вручены новоиспеченному коменданту, и обсуждался вопрос о заготовке провизии для королевского гарнизона.

– В конце концов, – практично заметил Прескот, – все это обошлось вашей милости довольно дешево, если, конечно, иметь в виду людские потери. Правда, долгая осада стоила денег, но зато замок почти не поврежден: надо только малость подлатать стены да новые ворота навесить. Мы не можем позволить себе снова утратить эту твердыню. Я считаю, что замок стоит того времени, которое ушло на его захват.

– Посмотрим, – хмуро сказал Стефан, мысли которого всецело были заняты Арнульфом Гесденским – тем самым, который так дерзко и громогласно поносил короля с башен замка, словно сам торопил свою смерть.

Вошел Курсель. Он снял шлем, и шелковистые каштановые волосы рассыпались по плечам. Стефану он нравился: расторопен, умеет командовать людьми и искусен в единоборстве – короче говоря, весьма многообещающий молодой офицер.

– Ну что, Адам, неужто они сквозь землю провалились? – спросил король. – Ведь не станет же Фицаллан прятаться где-нибудь в амбаре, словно трусливый простолюдин.

– Нет, ваша милость, этого не может быть, – уныло ответил Курсель, – мы прочесали всю крепость от башен до подземелий. Даю слово, мы ничего не упустили, но Фицаллана нигде нет! Но дайте время, и я сумею выяснить, когда, каким путем и в каком направлении они скрылись.

– Они? – повысил голос Стефан.

– Увы, Эдни тоже исчез. И несомненно, оба ухитрились выбраться из замка. Прошу простить меня за то, что я принес вашей милости такое известие, но правда есть правда.

Надо отдать ему должное: Курсель не терялся, когда приходилось докладывать то, что могло разгневать короля.

– Но зато, – продолжал он, – Гесдена мы схватили. Он ранен, но не серьезно, всего лишь царапина. Я приказал для верности заковать его в цепи и думаю, что сейчас он вряд ли чувствует себя так же вольготно, как тогда, когда правил замком.

– Приведите его! – воскликнул король, взбешенный тем, что двое его главных врагов ушли от расплаты.

Ввели Арнульфа Гесденского. Он сильно хромал, свисавшие с запястий и лодыжек цепи волочились по полу. Рослый, лет шестидесяти, с багровым лицом, вождь мятежников пропах дымом, был заляпан кровью и перепачкан пылью и грязью. Двое фламандцев бросили его на колени. Лицо старого воина было решительным и бесстрашным, он по-прежнему смотрел на короля с вызовом.

– Ну что, сбили с тебя спесь наконец? – торжествовал Стефан. – Пару дней назад ты был куда разговорчивее, а теперь будто язык проглотил. А может, ты взялся за ум и заговоришь по-другому?

– Ваша милость, – процедил Гесден сквозь зубы, ибо ему были ненавистны эти слова, – вы победили. Я в вашей власти и у ваших ног, но я честно сражался и рассчитываю на то, что со мною обойдутся с должным почтением. Род мой славен и в Англии, и во Франции. Вашей милости нужны деньги, а я могу заплатить за себя выкуп как за графа.

– Не слишком ли поздно заговорил ты о должном почтении – ты, который гнусно оскорблял меня, когда нас разделяли стены замка? Тогда я поклялся, что ты заплатишься за это жизнью, и теперь я собираюсь сдержать свою клятву, и никакие деньги не спасут твою шкуру! Правда, я могу принять у тебя выкуп, но не деньгами. Где Фицаллан? Где Эдни? Скажи, где я могу наложить руку на этих негодяев, да моли Бога, чтобы мне это удалось, и тогда, может быть, я и подумаю о том, чтобы оставить тебе твою жалкую жизнь.

Гесден поднял голову и взглянул прямо в глаза королю.

– Я нахожу предложенную вами цену слишком высокой, – заявил он. – О своих товарищах я могу сказать лишь одно: они скрылись только тогда, когда все уже было потеряно. Больше я не скажу ни слова. Пусть ваша милость устроит на них королевскую охоту – посмотрим, что получится.

– Посмотрим! – вскричал разъяренный король. – Только сперва посмотрим, не добьемся ли мы чего-нибудь от тебя. Адам, пусть его уведут прочь и отдадут в руки тен Хейту – может, тот сумеет развязать ему язык. Гесден, тебе дается время до двух часов. Или ты расскажешь все, что тебе известно, или будешь повешен на башне. Уведите его!

Наемники уволокли пленного. Стефан сидел и в бессильной ярости кусал себе пальцы.

– Неужели он сказал правду, – спросил король Прескота, – и они действительно скрылись только в последний момент, когда поняли, что битва уже проиграна? Но в таком случае они должны быть в городе. Как удалось им прорваться – не через Форгейт же, прямо через наши ряды? И оба моста были перекрыты нашими передовыми отрядами. Нет, они не могли выбраться из города. Их нужно найти!

– Они никак не могли добраться до мостов, – уверенно заявил Прескот. – Правда, есть еще один выход – ворота, которые ведут к реке. Но я сомневаюсь в том, что они сумели переправиться через Северн вплавь незамеченными, и к тому же ручаюсь, что лодки у них не было. Скорее всего, они прячутся здесь, в Шрусбери.

– Общайте весь город! Найдите их во что бы то ни стало! Никакого грабежа, пока я не заполучу этих мерзавцев! Обшарьте каждый дом, но схватите их непременно!

Пока тен Хейт со своими фламандцами сгонял в кучу пленных, захваченных с оружием в руках, а новый гарнизон замка, повинаясь приказам Прескота, занимал посты на стенах и башнях, Курсель со своими людьми и некоторые другие отряды приступили к обыску домов и лавок в черте городских стен. Король же, формально вступив во владение городом, вернулся,

сопровожаемый телохранителями, в свой лагерь, где с мрачным видом дожидался известий о двух беглецах. В третьем часу дня явился с докладом Адам Курсель.

– Ваша милость, – сказал он напрямик, – нас постигла неудача, иначе это не назовешь. Мы обыскали каждую улицу, опросили всех, от купцов до слуг, осмотрели все дома, дворы и хозяйственные постройки. Город не так уж велик, и я не понимаю, каким образом они могли незамеченными выбраться за стены – разве что чудом. Но мы не нашли ни Фицаллана, ни Эдни. Их и след простыл – никто ничего не видел и не слышал. На тот случай, если им все же удалось переправиться через реку и оказаться за пределами аббатства, я выслал в ту сторону конный разъезд, но сомневаюсь, что мы узнаем что-то новое. И Гесден по-прежнему упрямится. Тен Хейт сделал все, что мог, только что не прикончил его, но не добился ни слова. И не добьется – Гесден знает, какая участь его ожидает, но он ничего не скажет.

– Он получит то, что мы ему обещали, – угрюмо промолвил Стефан. – А что остальные? Сколько мятежников мы пленили?

– Не считая самого Гесдена, с оружием в руках было захвачено девяносто три человека.

Курсель внимательно посмотрел на красивое лицо государя и заметил, что тот колеблется. Хотя король и разгневался не на шутку, он по природе был отходчив и не мстителен, сколько бы ему ни твердили, что причина всех его неудач в том, что он слишком легко прощает своих недругов.

– Ваша милость, снисходительность сейчас была бы истолкована как слабость, – подчеркнул Курсель.

– Повесить их! – хрипло приказал Стефан – торопливо, словно боясь пойти на попятную.

– Всех?

– Всех! И немедленно! Чтобы к утру все они расстались с земной юдолюю.

Грязная работа досталась фламандцам – вот для чего нужны были наемники. На это ушел целый день, что удержало их от того, чтобы выгрести из домов местных жителей все мало-мальски ценное. Сколь ни мала была эта отсрочка, но она дала возможность гильдиям, магистрату и бейлифам¹ спешно снарядить депутацию к королю с выражением верноподданнических чувств. Государь встретил их с хмурым видом и выслушал скептически, но в конце концов даровал городу свою монаршую милость. Нельзя сказать, что он поверил в их неожиданно пробудившуюся преданность, но ему понравилось, как быстро они собрались, чтобы ее выразить.

Прескот навел порядок в замке и разместил новый гарнизон, тогда как тен Хейт вплотную занялся пленниками. Первым суждено было умереть Арнульф Гесденскому. Вторым оказался молодой сквайр, один из младших командиров. Несчастный был вне себя от страха: когда его волокли на казнь, он истошно вопил, протестуя и уверяя, что ему обещана жизнь. Однако фламандцы, которые возились с ним, плохо понимали по-английски и только потешались над его мольбами, стихшими, лишь когда затянулась петля.

Адам Курсель в душе был рад тому, что ему удалось остаться в стороне от расправы. Он со своим отрядом продолжал поиски на окраинах города и в пригородах за мостами. Но никаких следов Вильяма Фицаллана или Фалька Эдни обнаружить не удалось.

С раннего утра, когда послышался первый сигнал тревоги, и до поздней ночи, пока продолжалась массовая казнь, над аббатством Святых Петра и Павла висела леденящая тишина. В обители царил ужас. Слухи, один страшнее другого, нарастали как снежный ком. Никто понятия не имел о том, что происходит на самом деле, но все подозревали, что творится нечто кошмарное. Впрочем, монашеская братия ни на йоту не отступила от установленного распорядка

---

¹ Бейлифы – помощники шерифа.

– служба за службой, собрание капитула, обедня и многочасовая работа. Жизнь монастыря продолжалась, и ни война, ни смерть не могли нарушить ее течение.

К мессе пришла Элин Сивард со своей служанкой Констанс. Девушка была бледна, выглядела встревоженной, но сохраняла самообладание. Здесь же находился и Хью Берингар. Причина его появления была проста: он увидел, как Элин вышла из дома, – который предоставили ей в предместье, неподалеку от главной монастырской мельницы, – и последовал за молодой леди. Во время службы он уделял куда больше внимания грустному юному личику, окаймленному строгим траурным платом, нежели словам священника.

Набожно сложив ладони, девушка беззвучно шевелила губами, проговаривая слова молитвы. Элин молилась за всех, кто страдал и умирал, пока она стояла здесь на коленях. Констанс смотрела на нее с преданностью и обожанием – она всеми силами хотела бы защитить свою госпожу, но была не в силах оградить ее от войны.

Берингар, следуя на почтительном расстоянии и не пытаясь заговорить с ней, сопровождал девушку, пока она не вернулась в дом. Когда Элин скрылась за дверью, он оставил у ее дома своих оруженосцев и направился к мосту. Разводная секция была по-прежнему поднята, отрезая город от внешнего мира, но шум боя там, где высился замок, уже стихал. Хью подумал о том, что придется подождать, прежде чем ему удастся приступить к поискам своей нареченной. Если он правильно понял, мост будет опущен примерно через час, о чем и оповестили жителей. Спешить было некуда, и Берингар отправился пообедать.

Странноприимный дом, как и весь город, полнился слухами. Те, кому было куда уехать, укладывали сумы, стремясь поскорее покинуть Шрусбери. Все сходились на том, что замок, несомненно, пал и за сопротивление придется дорого заплатить. Хочешь не хочешь, рассуждали горожане, а придется повиноваться королю Стефану: он-то ведь здесь, и он победитель. Императрица Матильда, спору нет, законная государыня, да только что с того, коли она далеко в Нормандии и не может постоять за своих приверженцев. Поговаривали и о том, что в последний момент Фицаллану и Эдни вроде бы удалось выскользнуть из западни и скрыться. Прислышав об этом, многие облегченно вздыхали и в душе благодарили Бога, но предпочитали помалкивать.

Когда Берингар снова вышел из дома, мост был уже опущен, но желавших пройти по нему проверяла стража. Караульные придирчиво оглядели его, но, узнав имя и звание, почтительно пропустили – должно быть, им было дано особое указание, касающееся его персоны.

Он пересек мост и прошел в охраняемые, но открытые ворота. Улица круто поднималась вверх, так как город был расположен на возвышенности. Берингар прекрасно знал, куда он держит путь и как туда добраться. На вершине холма теснились лавки и дома мясников, но все они выглядели покинутыми, и нигде не было видно ни души. Ставни лавки Эдрика Флешера, самой богатой с виду, были опущены и оттуда, как и из всех остальных, не доносилось ни звука. Никто и носу на улицу не высовывал, а если и высовывал, то только на миг, с опаской, и тут же прятался за закрытой дверью. Однако судя по тому, как выглядела улица, дома не подверглись разграблению. Берингар постучал в запертую дверь и, услышав, что внутри кто-то осторожно зашевелился, возвысил голос:

– Откройте, это я, Хью Берингар! Эдрик, Петронилла, впустите меня! Я один, со мной никого нет.

Отчасти он ожидал, что дверь так и останется запертой и единственным ответом ему будет гробовое молчание, и не стал бы винить хозяев за это, но, как ни странно, дверь отворилась и на пороге появилась Петронилла. Она просияла и бросилась ему навстречу с распростертыми объятьями, словно к своему спасителю. Петронилла постарела, однако оставалась пухленькой, цветущей и добродушной. Даже сейчас, когда повсюду царили война и разруха, от нее веяло теплом домашнего очага. Ее поседевшие волосы были аккуратно прибраны под белый чепец, а серые с огоньком глаза смотрели на него как всегда приветливо.

– Мастер Хью, вот уж не чаяла увидеть сейчас человека, на которого можно положиться. Несмотря на ее доброжелательный тон, Берингар тут же смекнул, что она не вполне ему доверяет.

– Заходите, располагайтесь. Эдрик, это же мастер Хью, Хью Берингар.

На зов женщины появился ее муж – рослый, румяный, сноровистый старшина цеха мясников.

Хозяева провели его в дом и заперли дверь на крепкий засов – Хью отметил это с одобрением. Берингар приступил прямо к делу, без проволоочки, как и подобает влюбленному жениху.

– Где Годит? Я приехал, чтобы разыскать ее и позаботиться о ней. Куда отец ее спрятал?

Похоже, хозяева слишком увлеклись, проверяя, достаточно ли плотно закрыты ставни и не слышны ли снаружи чужие шаги, чтобы обратить внимание на его слова. И у них самих было наготове множество вопросов.

– Вас, наверное, преследуют? – с тревогой спросил Эдрик. – Вы ищете, где бы укрыться?

– Вы, наверное, были в замке? – заохала Петронилла, окидывая Хью беспокойным взглядом, словно опасаясь увидеть рану – как будто это его, а не Годит, нянчила она в свое время, тогда как на самом деле и видела-то всего два или три раза со времени его с Годит помолвки. Что-то чересчур много заботы. Потом хозяева притихли – видно, прикидывали, насколько можно довериться незваному гостю.

– Здесь они уже побывали, – сообщил Эдрик, – и вряд ли наведаются снова. Они все вверх дном перевернули – искали шерифа и лорда Фалька. Так что если вам нужно убежище, добро пожаловать. Они, должно быть, следуют за вами по пятам.

Хью уже понял: они догадались, что среди защитников замка его не было и что он вовсе не выступал на стороне Фицаллана. Эта умная и проницательная старая служанка и ее муж пользовались безграничным доверием Эдни, и оба они прекрасно знали, кто был близок с их господином во время осады замка, а кто держался поодаль.

– Нет, не в этом дело. Мне ничто не угрожает, и я ни в чем не нуждаюсь. Я пришел только затем, чтобы разыскать Годит. Говорят, что Фальк скрылся слишком поздно и не успел отослать ее с семьей Фицаллана. Подскажите, как мне ее найти?

– А почему вы явились к нам? Вас кто-нибудь послал? – спросил в свою очередь Эдрик.

– Нет-нет... Но где же еще мог отец ее спрятать? Кому доверить дитя, как не нянюшке? Потому-то я сразу и пошел к вам, и не говорите мне, что ее здесь не было!

– Быть-то она была, – подтвердила Петронилла, – жила у нас до прошлой недели, да только теперь ее нет. Лорд Фальк прислал двух рыцарей, чтобы забрать ее отсюда, а уж куда ее повезли, даже нам не сказали – и правильно сделали. Раз мы ничего не знаем, значит, никто от нас ничего и не попытается. Так что вы запоздали, мастер Хью. Наверняка ее уже увезли далеко от города. Дай Бог, чтобы девочка была в безопасности!

В искренности ее мольбы можно было не сомневаться – старая няня готова была глаза выцарапать за свою питомицу, даже умереть за нее. И уж конечно, солгать, если потребуется.

– Но ради Бога, друзья мои, разве вы мне не поможете? Я ведь все-таки ее нареченный. Я должен отвечать за нее, случись что с ее отцом, а насколько мне известно, сейчас он, возможно...

Наградой за все его ухищрения было то, что муж и жена обменялись быстрыми взглядами и хором воскликнули: «Боже упаси!» Они прекрасно знали, что Фальк Эдни не убит и не попал в плен – а то с чего бы это воины Стефана так остервенело обыскивали каждый дом? Конечно, они не могли быть полностью уверены в том, что мятежные лорды находятся в безопасности, но надеялись на это и хранили им верность. Хью понял, что в их глазах он отступник и больше ничего не добьется, во всяком случае действуя напрямик.

– Сожалею, мастер Хью, что мне нечего сказать вам в утешение, – с расстановкой промолвил Эдрик Флешер. – Благодарение Богу, девочка не попала в руки врагов. Мы с женой неустанно молимся о том, чтобы никакой супостат до нее не добрался.

«По всей видимости, я должен понимать это как щелчок по носу», – усмехнулся про себя Берингар, а вслух с понурым видом сказал:

– Ну что ж, придется, стало быть, поискать ее в других местах. Я не хочу больше подвергать вас опасности. Открой-ка дверь, Петронилла, да глянь, пусто ли на улице.

Женщина охотно исполнила его просьбу и заверила, что улица пуста, как ладонь нищего. Берингар пожал руку Эдрику, наклонившись, поцеловал его жену и был вознагражден и отомщен виноватым румянцем на ее щеках.

– Молитесь за нее, – попросил на прощание Берингар, и уж в этой просьбе они никак не могли ему отказать.

С этими словами он выскользнул в приоткрытую дверь и услышал, как задвинули тяжелый засов. Не слишком громко – поскольку предполагалось, что он таится, но так, чтобы в доме это слышали, – Хью торопливо прошагал до угла, а затем повернулся и, подкравшись на цыпочках, припал ухом к ставням.

– Охотится за собственной невестой! – возмущалась Петронилла. – Он ни за чем не постоит, лишь бы до нее добраться, ведь, захватив ее, можно заполучить и ее отца, а то и самого Фицаллана. Этот Хью хочет улестить Стефана – вот для чего ему нужна моя девочка.

– А может, мы слишком суровы к нему? – добродушно отозвался Эдрик. – Почему знать, может, он и впрямь хочет девочке только добра. Но мы рисковать не могли – так что пусть себе сам ищет, как знает.

– Хвала Всевышнему, – горячо откликнулась Петронилла, – ему неизвестно, что я укрывала свою козочку в таком месте, где никакому врагу, ежели он в здравом уме, и в голову не придет ее искать! – При слове «он» у женщины вырвался довольный смешок. – Заберем ее оттуда, когда вся эта суматоха уляжется. А пока я молюсь о том, чтобы ее отец был подальше отсюда да усерднее погонял коня. А еще о том, чтобы этим двум молодцам, что во Франквилле, удалось сегодня ночью рвануть на запад с сокровищами шерифа. Только бы все они благополучно добрались до Нормандии, чтобы служить там императрице – храни ее Господь!

– Тише, родная! – проворчал Эдрик. – И у стен есть уши...

Супруги удалились в другую комнату, и дверь за ними закрылась. Хью Берингар покинул свой пост и, как ни в чем не бывало, направился вниз по склону холма, к городским воротам и к мосту. Вид у него был довольный, и он тихонько насвистывал. Узнать ему удалось гораздо больше того, на что он рассчитывал. Выходит, они надеялись тайком отправить казну Фицаллана на запад, в Уэльс, как уже отправили его самого – и не далее, как сегодня ночью. Значит, предвидя опасность, они загодя вывезли сокровища из города и спрятали их где-то в окрестностях Франквилля. Ни тебе в ворота не надо проходить, ни через мосты. Ну а что касается Годит, то у Хью появились соображения, где ее искать. А уж заполучив девушку, можно купить благосклонность и менее корыстного человека, чем король Стефан.

За час до вечерни Годит находилась в сарайчике брата Кадфаэля. Она старательно сливала, разбавляла и перемешивала настои, как показал ей монах, но на душе у нее кошки скребли. Девушка терзалась неизвестностью, переходя от надежды к отчаянию. Лицо ее было грязным, поскольку она постоянно вытирала слезы руками, перепачканными землей во время работы в саду. Только круги вокруг глаз были отмыты слезами. Как она ни старалась, но все же, когда руки ее были заняты, две слезинки, скатившись по щекам, упали в раствор – как нарочно, в тот, который нельзя было разбавлять. Годит выругалась, припомнив бранные слова, которые она подслушала на конюшне, когда сокольничие поносили подручного, неумелого и дерзкого мальчишку, который был товарищем ее игр.

– Лучше призови Божье благословение, – прозвучал за спиной у девушки ласковый голос Кадфаэля. – Думаю, это будет самый превосходный настой из ромашки, какой я когда-либо готовил. Господь все примечает – не сомневайся в этом.

Она обернулась и впиалась в него взглядом: глаза ее молили и вопрошали. Годит ни о чем не спросила – сам тон голоса Кадфаэля приободрил ее.

– Я побывал повсюду: и на мельнице, и на заставе, и у моста. Вести и впрямь дурные, и сейчас мы пойдем и помолимся за упокой души тех, кто в эти минуты покидает этот мир. Однако так или иначе, все мы его покинем – так что смерть еще не худшее из зол. К тому же есть новости и обнадеживающие. Из всего, что я слышал на этом берегу Северна, да и на самом мосту – там на страже стоит один лучник, с которым я вместе был еще в Святой земле, – следует, что твой отец и Фицаллан не убиты, не ранены и не попали в плен и, несмотря на все усилия, люди Стефана найти их не могут. Их и след простыл, Годрик, малыш! Навряд ли Стефану удастся их захватить. Так что можешь и дальше спокойно заниматься вином, которое ты развлекаешь слезами, да учиться половчее выдавать себя за парнишку, куда мы не найдем способ благополучно отправить тебя вслед за твоим отцом.

Слезы ее лились, как весенняя капель, но через минуту она уже сияла, как весеннее солнышко. Ей было о чем горевать и было чему радоваться – и не зная, с чего начать, девушка смеялась и плакала одновременно. Но она находилась в том возрасте, который был ранней весной ее жизни, и солнце надежды победило.

– Брат Кадфаэль, – сказала она, успокоившись, – мне бы так хотелось, чтобы мой отец познакомился с тобой. И почему ты не на его стороне?

– Милое дитя, – промолвил Кадфаэль с нежностью в голосе, – мой государь не Стефан и не Матильда. Всю свою жизнь я служил лишь одному Владыке, Всевышнему, и сражался только за Него. Однако я ценю верность и преданность и считаю, что не так уж важно, каков тот, кому ты служишь. Главное – каков ты сам. Твоя верность так же священна, как и моя. А теперь умой-ка личико и глазки да сосни полчасика – хотя нет, ты слишком молода, чтобы это у тебя получилось.

Она действительно не имела навыка засыпать мгновенно – это приходит с возрастом и опытом. Однако на долю этого юного создания уже выпало немало невзгод. Девушка изнемогала от тревоги, и успокаивающие слова Кадфаэля действовали на нее как снотворное, так что едва Годит прилегла на лавку, как тут же заснула. Кадфаэль разбудил ее как раз вовремя, чтобы не опоздать на вечерню.

Годит шла рядом с монахом через площадь к церкви; ее кудрявая челка была зачесана на лоб, чтобы скрыть покрасневшие от слез глаза. Страх и потрясение, очевидно, добавили набожности постояльцам аббатского странноприимного дома: все они собрались в церкви. Был тут и Хью Берингар, которого, однако, привел в храм отнюдь не страх, а искушение в лице Элин Сивард, стоявшей потупя очи. Видно было, что на сердце у нее не спокойно. Хью смотрел на Элин, но при этом ухитрялся не упускать из виду ничего, что могло бы представлять интерес. Он обратил внимание на две странно несхожие фигуры, появившиеся со стороны монастырских садов. Приземистый, коренастый монах средних лет с выдубленной непогодой кожей и развалистой походкой бывшего моряка покровительственно держал руку на плече юнца без чулок и в тунике, явно доставшейся ему от родича постарше и покрупнее. Малый легко ступал рядом с монахом, опасливо поглядывая по сторонам из-под густой каштановой челки. Взглянув на эту парочку, Берингар задумался, а потом мимолетная улыбка тронула уголки его губ.

Годит держала себя в руках: ни выражение лица, ни походка ее не выдали того, что она заметила и узнала молодого человека. В церкви она отошла в сторону, заняла место рядом с послушниками и далее приняла участие в их беседе, посмеиваясь и подталкивая локтем ближайших соседей. Если он все еще наблюдает за ней, пусть поломает себе голову. Он ведь не

видел ее более пяти лет, и если что и заподозрил, все равно не мог быть ни в чем уверен до конца. Да Хью и не смотрел в ее сторону – он не спускал глаз с незнакомой леди, одетой в траур. Приметив это, Годит вздохнула с облегчением и даже позволила себе рассматривать своего нареченного столь же внимательно, как он сам разглядывал Элин Сивард. Когда она видела Берингара в последний раз, он был дурашливым, угловатым и неловким юнцом восемнадцати лет. Теперь Хью держался уверенно, холодно и отстраненно, и в движениях его чувствовалась какая-то надменная грация, словно у кота. Довольно привлекательный молодой человек, решила Годит, оценив его придирчивым взглядом, но ей он уже не интересен, и вдобавок он больше не имеет на нее никаких прав. Обстоятельства управляют судьбами людей. Больше Хью в ее сторону не смотрел, и девушка успокоилась.

И все же, когда после ужина и вечернего урока с мальчишками-послушниками Годит уединилась с Кадфаэлем в саду, она ему обо всем рассказала. Монах воспринял это серьезно.

– Стало быть, ты должна была выйти замуж за этого парня? Он явился сюда прямо из королевского стана и, несомненно, принадлежит к сторонникам короля. Правда, брат Дэннис, который собирает все сплетни среди постояльцев, прослышал, что Стефан назначил ему испытание и этот малый должен себя показать, чтобы заслужить монаршую благосклонность. – Кадфаэль задумчиво почесал загорелый мясистый нос. – Как ты думаешь, он узнал тебя? Он смотрел на тебя пристально? Так, как если бы ты ему кого-то напоминала?

– Поначалу мне и впрямь показалось, что он ко мне приглядывался: как будто вспоминал, не мог ли встречать меня где-то прежде. Но больше он в мою сторону не смотрел и не выказывал ко мне никакого интереса. Нет, наверное, он меня не узнал. За пять лет я изменилась, да к тому же в этом обличье... Подумать только, через год мы должны были пожениться! – воскликнула Годит, пораженная этой неожиданной мыслью.

– Не нравится мне все это! – пробурчал Кадфаэль, обдумывая услышанное. – Придется постараться, чтобы ты не попадалась ему на глаза. Если ему удастся подольститься к королю, то, глядишь, он через недельку отбудет в поход вместе с ним. А до тех пор держись подальше от странноприимного дома, конюшен, заставы – словом, отовсюду, где он может появиться. Нельзя допустить того, чтобы он тебя снова увидел.

– Понимаю, – встревоженно и серьезно отозвалась Годит. – Если он все же найдет меня, то непременно воспользуется этим, чтобы выдвинуться. Уж я-то знаю! Если бы мой отец, уже взойдя на борт судна, узнал о том, что мне угрожает опасность, он тотчас бы вернулся. И тогда его ожидала бы та же участь, что и всех тех бедняг...

Девушка не могла заставить себя повернуть голову и взглянуть на башни замка, с которых свисали тела повешенных. Пленные и сейчас умирали один за другим, хотя она об этом не знала – работа палачей затянулась далеко за полночь.

– Я буду сторониться его как чумы! – с горячностью заверила Годит. – И стану молиться о том, чтобы он поскорее убрался отсюда.

Аббат Хериберт превыше всего ценил мир и покой, он был немолод, и груз прожитых лет тяготил его. Глубокое разочарование наступившими временами в сочетании с суетным честолюбием Роберта, его приора, побудили старика замкнуться в себе и искать уединения в благочестивых размышлениях и молитвах. Аббат знал, что король не благоволит к нему, так же как и ко всем, кто не торопился встать на сторону Стефана и на каждом углу твердить о своей преданности королю. Однако, столкнувшись с необходимостью выполнить долг духовного пастыря, Хериберт нашел в себе мужество даже в нынешних ужасных обстоятельствах остаться достойным своего сана. С этими девяносто четырьмя несчастными обошлись как с бессловесными тварями, а ведь у каждого из них бессмертная душа и право на христианское погребение. Бенедиктинская обитель всегда давала последнее утешение всем, кто в нем нуждался, и аббат Хериберт не мог допустить, чтобы воинов, казненных по приказу короля Сте-

фана, закопали в общем рву, как собак. Однако он страшился того, что предстояло сделать, и поневоле задумался о возможности возложить эту задачу на человека, более искушенного в таких сугубо мирских делах, как война и кровопролитие. Немудрено, что выбор его пал на брата Кадфаэля, который исколесил весь свет, участвуя в первом Крестовом походе, а потом десять лет был капитаном и бороздил моря у побережья Святой земли, где ожесточенная война не прекращалась ни на миг.

После повечерия аббат велел послать за Кадфаэлем и пригласить его в свою келью.

– Брат, я собираюсь сегодня же вечером просить короля Стефана дать дозволение на погребение убиенных по христианскому обряду. Если король согласится, завтра мы заберем тела этих несчастных, дабы они успокоились как должно. Брат, ты ведь и сам был воином... Может быть, если я договорюсь с королем, ты примешь на себя эту заботу?

– Приму, отче, – не скажу, что с радостью, но повинуюсь христианскому долгу.

Глава третья

– Хорошо, – сказала Годит, – я все сделаю, как ты велишь, раз ты считаешь, что это необходимо. Я отсижу утренний урок, вечерний урок, съем свой обед, не вступая ни с кем в разговоры, а потом спрячусь здесь, запрусь среди твоих склянок и открою дверь, только когда услышу твой голос. Все сделаю по-твоему, но лучше было бы мне пойти с тобой. Ведь это же люди моего отца, а значит, и мои. Как жаль, что я не могу отдать им последний долг.

– Даже если бы идти туда было безопасно – а это не так, – твердо заявил Кадфаэль, – я бы тебя все равно не пустил. То, как гнусно люди обходятся со своими близкими, может заставить тебя усомниться в Господнем милосердии и в грядущем справедливом воздаянии. Полжизни уходит на то, чтобы достичь вершины, с которой открывается вечность, а по сравнению с ней даже самая жестокая несправедливость сиюминутна и ничтожна. Когда-нибудь и ты придешь к этому. А сейчас оставайся здесь и не попадайся на глаза Хью Берингару.

Кадфаэлю пришло в голову, что было бы не худо привлечь Берингара в свою похоронную команду, куда он собирал людей, способных и желавших помочь в таком непростом деле. Это позволило бы по меньшей мере день продержать его подальше от Годит. Трое путников из странноприимного дома предложили Кадфаэлю свою помощь: то ли они были тайными приверженцами Матильды, то ли хотели выяснить, нет ли среди казненных их родственников и друзей, а может быть, просто надеялись, что богоугодное дело послужит спасению их душ. Кто знает, может, и Хью почувствовал бы себя обязанным последовать их примеру, но в странноприимном доме его не оказалось. Похоже, он куда-то уехал верхом – может быть, гарцует поблизости от королевского шатра в надежде на то, что государь заметит его: если ищешь благосклонности сильных мира сего, не следует допускать, чтобы о тебе позабыли. Трое оруженосцев Берингара, накормив, выгуляв и почистив коней, бесцельно слонялись из стороны в сторону. Им нечем было себя занять, но они вовсе не горели желанием возиться с покойниками, тем более что неизвестно было, как на это посмотрит король. Кадфаэль их не винил. Он собрал двадцать человек: монахов, послушников и добровольцев-мирян – и повел эту компанию по мосту к воротам замка.

Возможно, короля Стефана в какой-то мере обрадовало то, что ему предложили услугу, которую в противном случае ему пришлось бы навязывать, используя власть. Кому-то все равно надо было хоронить мертвецов, иначе в первую очередь пострадал бы новый гарнизон. В замкнутом, тесном пространстве замка могла возникнуть эпидемия, которая неминуемо перекинулась бы и на окруженный стенами город, и последствия этого могли быть ужасны. И тем не менее король был задет тем, что аббат Хериберт позволил себе косвенно упрекнуть его в забвении христианского долга. Впрочем, аббат все-таки располагал известным влиянием: спутников Кадфаэля беспрепятственно пропустили в замок, а сам он был немедленно допущен к Прескоту.

– Милорд, вы, должно быть, уже получили указания на мой счет, – деловито начал монах, – мы пришли, чтобы позаботиться о покойных, и я прошу отвести нам место, где можно было бы сложить тела и подготовить их к погребению – чистое и достаточно просторное. Еще я хотел бы, чтобы нам позволили черпать воду из колодца – больше нам ничего не потребуется. Ткани и все необходимое мы принесли с собой.

– Внутренний двор сейчас пуст, – равнодушно отозвался Прескот, – места там хватит. Там, кстати, и доски есть – если хотите, можете устроить помост.

– Король также дозволил родным и близким этих несчастных забрать их тела для погребения. Многие из них жили в этом городе и имели здесь родственников и друзей. Когда мы все подготовим, разрешите ли вы пройти в замок тем, кто хотел бы опознать покойных?

– Если найдутся такие смельчаки, – холодно ответил Прескот, – пусть приходят и ищут своих родичей – да чем скорее, тем лучше. Я буду только доволен, когда отсюда уберут наконец всю эту пададь.

– Очень хорошо. Тогда скажите, где они?

Кадфаэль спросил об этом потому, что на рассвете мертвые тела – эти ужасные плоды – не свисали более со стен и башен цитадели. Фламандцам, должно быть, пришлось работать полночи, чтобы убрать повешенных с глаз долой. Но только едва ли они сами до этого додумались, скорее всего, так распорядился Прескот. Вряд ли ему было приятно видеть перед собой постоянное напоминание о том, что именно он присоветовал королю казнить всех пленных, а кроме того, старый солдат любил во всем строгий порядок и хотел, чтобы во вверенной ему крепости царила чистота.

– Когда все они отдали Богу душу, мы попросту перерезали веревки, и они попадали в ров под стеной. Выйди из замка и найдешь их тела под башнями у дороги.

Кадфаэль осмотрел маленький дворик, предложенный комендантом крепости, и убедился в том, что тот достаточно просторный, чистый и уединенный, а большего и желать было нельзя. Он вывел своих людей через ворота и спустился с ними в глубокий, сухой ров под башнями. Дно рва поросло кустарником и высокой травой, и растительность отчасти скрывала то, что при ближайшем рассмотрении напоминало поле боя. Прямо под стеной высилась груда мертвых тел, а иные валялись в нескольких ярдах от нее с раскинутыми руками и ногами, словно поломанные куклы. Засучив рукава, Кадфаэль с подручными молча взялись за работу. Они распутывали этот жуткий клубок мертвецов, унося первыми тех, кого легче было достать, с трудом отделяя несчастных, чьи кости были переломаны при падении. Солнце стояло высоко, и от каменных стен тянуло жаром. Трое набожных мирян сбросили свои туники. Во рву было душно, люди покрылись потом и задыхались, но трудились с неослабевающим рвением.

– Глядите внимательнее, – предупреждал Кадфаэль своих помощников, – вдруг кто-нибудь из этих страдальцев еще дышит. Фламандцы спешили и вполне могли обрезать веревку-другую раньше времени. А здесь кусты да трава, они, как подушка, могли смягчить падение. Может, и найдется живая душа.

Однако как ни спешили фламандцы, свое черное дело они сделали тщательно: ни один из повешенных не остался в живых.

Сотоварищи Кадфаэля принялись за работу рано утром, а когда они выложили тела на дворе, уже близился полдень. Им предстояло еще обмыть покойников и уложить их подобающим образом, распрямив и вправив, насколько возможно, переломанные руки и ноги. Они опускали казненным веки, подвязывали отвалившиеся челюсти и даже расчесывали спутанные волосы – все для того, чтобы лица мертвецов не внушали ужаса несчастным родителям и женам, любившим их при жизни.

Прежде чем идти к Прескоту и просить, чтобы тот, как было обещано, объявил об открытии доступа к телам, Кадфаэль обошел ряды убиенных, чтобы удостовериться, что они выглядят, во всяком случае, пристойно. Он шел вдоль шеренги тел и считал. Дойдя до конца, монах нахмурился и остановился в раздумье, а затем повернул назад и принялся считать снова. Закончив подсчет, он стал заново осматривать тела, заглядывая под холстину, которой были прикрыты наиболее изувеченные трупы. Когда он осмотрел последнее тело и распрямился, лицо его было мрачным. Не сказав никому ни слова, брат Кадфаэль направился прямо к Прескоту.

– Сколько душ, милорд, вы отправили на тот свет по повелению короля? – спросил монах.

– Девяносто четыре, – терпеливо ответил Прескот, слегка озадаченный этим вопросом.

– Либо вы их не считали, либо ошиблись при счете – их девяносто пять.

– Девяносто четыре или девяносто пять, одним больше, одним меньше – какая разница? Все они изменники и казнены по приговору. Что же мне теперь волосы рвать, если счет не сходится?

– С вас ли, милорд, или с кого другого, но Господь Бог потребует ответа. Девяносто четыре, включая Арнульфа Гесденского, были казнены по приказу. Король повелел лишить их жизни, а справедливо или нет – это решит иной суд и в иное время. Но девяносто пятый – совсем другое дело. Король не отдавал приказа его казнить, кастильян не получал такого приказа, никто не обвинял его в мятеже, измене или любом другом преступлении и не приговаривал его к смерти. А стало быть, тот, кто умертвил его, виновен в убийстве.

– Раны Господни! – взорвался в негодовании Прескот. – Офицер в пылу сражения просчитался, а ты хочешь устроить из этого бог весть какой скандал. Да, его пропустили при счете, но он был взят с оружием в руках и повешен, как и все остальные. Он получил не больше, чем заслужил. Он такой же мятежник, как все они, и разделил их судьбу – вот и весь сказ. Ради Всевышнего, чего ты еще от меня хочешь?

– Начать с того, – невозмутимо возразил Кадфаэль, – что было бы неплохо, если бы вы все же взглянули на него. Ведь он не такой, как все. Он не был повешен, как остальные, ему не связывали рук, как прочим. Его нельзя поставить в один ряд со всеми другими; правда, кто-то как раз на то и рассчитывал, что все отнесутся к этому так же, как вы – решат, что это просто ошибка при счете. Говорю вам, лорд Прескот, среди казненных есть человек, который был убит и должен был затеряться среди них, словно лист в лесу. Может быть, вы сожалеете о том, что я не проглядел его, но неужто вы думаете, что Господь не узрел его раньше? Допустим, милорд, вы заставите замолчать меня. Но промолчит ли Всевышний?

При этих словах Прескот, который до сих пор мерил помещение нетерпеливыми шагами, остановился и внимательно посмотрел на монаха.

– Ты говоришь совершенно серьезно, – отметил военачальник в недоумении. – Но как же там мог оказаться мертвец, если он не был повешен? Ты действительно в этом уверен?

– Уверен. Сходите сами и взгляните, милорд. Он там, потому что какой-то негодяй бросил его туда. Дескать, один лишний труп никого не заинтересует – кому какое дело?

– Выходит, он знал, что здесь будет много покойников.

– Большинство горожан и все в замке знали об этом к ночи. И труп этот подбросили под покровом ночи. Пойдемте, милорд, посмотрите и убедитесь сами.

И Прескот пошел с ним, выказывая несомненные признаки озабоченности и тревоги. Так мог бы вести себя виновный, и кто, как не Прескот, по должности своей знал все, что необходимо было знать преступнику, дабы оградить себя от подозрений...

Тем не менее, выйдя в тесный, окруженный стенами дворик, над которым уже начинал витать запах тления, он вместе с Кадфаэлем опустился на колени возле мертвого тела, а это уже что-то значило.

Убитый был молод. Никакого оружия при нем не имелось, что было не удивительно: оружие забрали и у всех остальных, в первую очередь содрав с них дорогие кольчуги и латы. Однако одежда убитого наводила на мысль о том, что на нем не было ни кольчуги, ни даже простого защитного кожаного панциря. Одет он был в легкое темное сукно, на ногах сапоги. Так мог бы одеться человек, собравшийся в путь, чтобы ехать налегке, но не замерзать по ночам. На вид ему было не больше двадцати пяти лет, волосы рыжеватые, а круглое лицо, видимо, было миловидным до того, как черты его исказило удушье. Опытные пальцы Кадфаэля сделали всё для того, чтобы хотя бы частично вернуть ему былую благовидность. Веки покойному опустили, чтобы прикрыть выпученные глаза.

– Он умер от удушья, – промолвил Прескот. Признаки были очевидны, и он успокоился.

– Да, но он не был повешен. В отличие от всех остальных, у него не были связаны руки. Гляньте. – Кадфаэль откинул капюшон. На шее юноши виднелась полоска, которая как бы отделяла голову от тела. – Видите этот след? Веревка, которая отняла у него жизнь, была очень тонкой. На такой веревке не вешают, она как рыболовная леска, – кстати, может, это и была леска. А если приглядеться к краям этой бороздки, то видно, что они лоснятся. Это говорит

о том, что петлю навоушили, чтобы она глубже врезалась в плоть. Здесь, позади, есть и другой след. – Кадфаэль осторожно приподнял рукой безжизненную голову и показал глубокий шрам с черной точкой запекшейся крови посередине. – Это отметина от деревянного крюка – убийца схватился за него и перекрутил, когда удавка уже обвила шею жертвы. Такие вошечные шнуры, за которые можно ухватиться с двух концов, используют душителы, подлые стервятники, нападающие исподтишка. Если имеешь сильную руку, ничего не стоит отправить своего недруга на тот свет. Видите, милорд, как глубоко впилась удавка в его плоть – шея перепачкана запекшейся кровью. А теперь взгляните сюда, на его руки. Видите, ногти на обеих руках черные. Это тоже кровь, его собственная кровь. Когда его душили, он ухватился руками за петлю – руки у него были свободны. Вешали вы кого-нибудь с несвязанными руками?

– Нет! – Прескот был настолько заворужен множеством доказательств, которые невозможно было не признать, что ответ у него вырвался сам собой, и сказанного было не вернуть. Он поднял глаза и взглянул на брата Кадфаэля через разделявшее их тело неизвестного юноши. И взгляд его при этом был хмур и недружелюбен.

– Зачем, – заговорил Прескот, старательно подбирая слова, – будоражить людей историей об этом подлом злодеянии? Хорони своих мертвецов и удовлетворишься этим. Не стоит шум поднимать.

– Вы не подумали о том, – мягко возразил Кадфаэль, – что пока еще никто не опознал этого юношу. Он с равным успехом мог быть и врагом короля, а мог и служить ему. Лучше обойтись с ним по справедливости, не стоит обижать ни покойного, ни Господа Бога. К тому же, – добавил Кадфаэль невинным тоном, – если вы будете медлить с раскрытием истины, кое-кто может усомниться в вашей честности. Я бы на вашем месте уведомил горожан о том, что им разрешено явиться в замок, ибо мы закончили все приготовления. Если кто-то узнает и востребует этого молодого человека, у вас же на душе будет спокойней. Ну а нет – что ж, вы сделали все, что было в ваших силах, чтобы исправить зло, и исполнили свой долг.

Прескот окинул Кадфаэля долгим угрюмым взглядом и резко поднялся с колен.

– Я оповещу город, – промолвил он и отправился в ратушу.

По городу проехал глашатай, громогласно зачитывая королевский указ. Послали и в аббатство, дабы новость узнали в странноприимном доме. Хью Берингар, который возвращался из королевского лагеря и, переправившись вброд через реку у острова, уже подъезжал к аббатству, услышал приора Роберта, вещавшего у ворот аббатства. Среди встревоженных людей, выбежавших на улицу, чтобы послушать новости из замка, он заметил стройную фигуру Элин Сивард. В первый раз Хью увидел девушку с непокрытой головой.

Волосы Элин были золотистыми и легкими как паутинка – такими он их себе и представлял. Несколько выющихся прядей, выбившихся из прически, окаймляли овальное личико. Длинные пушистые ресницы были гораздо темнее по тону – бронзового оттенка. Она внимательно слушала, в волнении покусывая губы и переплетая пальцы своих маленьких изящных рук. Выглядела Элин совсем юной и беспомощной и не могла скрыть охватившего ее смущения.

Берингар спешил в нескольких шагах от нее, как будто случайно выбрав это место, чтобы дослушать до конца речь приора Роберта.

– ...и его милость, король, позволяет всякому, кто пожелает, прийти беспрепятственно, дабы забрать своих родных, буде таковые обнаружатся среди казненных, с тем чтобы погresti оных своим иждивением. А также, поскольку среди них есть один, личность которого не установлена, король желает, чтобы всяк входящий осмотрел его, и пусть тот, кто узнает, назовет его имя. И да приходят все в замок совершенно свободно, не страшась королевского гнева и не ожидая никакого наказания.

Не все приняли эти заверения за чистую монету, но Элин поверила сразу. Ею овладело гнетущее чувство, что она обязана совершить это скорбное паломничество, и хотя девушка не опасалась, что поплатится за это, она трепетала при мысли о том, что ей предстоит увидеть.

У нее же есть брат, вспомнил Берингар, брат, который, поссорившись с отцом, убежал из дому и пристал к сторонникам императрицы. До Элин как будто доходили слухи о том, что он вроде бы добрался до Франции, но она не знает этого наверняка. И теперь убеждена в том, что, в каком бы гарнизоне ни сложили головы приверженцы Матильды, ее святая обязанность пойти и убедиться, что его нет среди павших. Все эти мысли красноречиво читались на ее невинном личике.

– Сударыня, – почтительно и учтиво обратился к ней Берингар, – если я могу чем-либо услужить вам, располагайте мною.

Элин обернулась и улыбнулась. Она уже видела его в церкви и знала, что он тоже нашел приют в бенедиктинской обители, а напряженная обстановка превратила Шрусбери в такое место, где люди относились друг к другу либо как к добрым соседям, либо как к возможным доносчикам – но уж на такую подозрительность она никак не была способна. Так или иначе, но Хью решил не упускать удобный случай представиться девушке.

– Вы, наверное, помните: я приехал предложить свои услуги королю тогда же, когда и вы. Мое имя Хью Берингар, из Мэзбери, и я сочту за честь служить вам всем, чем смогу. Мне показалось, что услышанное известие встревожило и огорчило вас. Знайте, что я с радостью исполню любое ваше поручение.

– Конечно, я вас помню, – ответила Элин, – и с благодарностью приняла бы ваше предложение, но то, что мне нужно, могу сделать только я сама. Никто здесь не знает в лицо моего брата. По правде говоря, мне трудно решиться... Но я знаю, что женщины из города пойдут туда, рассчитывая найти своих сыновей. Если это по силам им, значит, и мне тоже по силам.

– Но ведь у вас, – заметил Берингар, – нет серьезных оснований полагать, что ваш брат мог оказаться среди этих несчастных.

– Никаких, – отозвалась девушка, – за исключением того, что я не знаю, где он, хотя и слышала, что он примкнул к сторонникам императрицы. А ведь лучше всего удостовериться – не правда ли? Не следует упускать возможность. Стоит мне убедиться, что его нет среди мертвых, и я смогу надеяться увидеть его живым.

– Он вам очень дорог? – участливо спросил Берингар.

Девушка замешкалась, прежде чем ответить, – видно было, что она серьезно отнеслась к этому вопросу. После недолгого молчания она сказала:

– Я никогда не знала его так, как подобало бы сестре знать своего брата. Жиль не обращал на меня особого внимания, у него были свои друзья, да он и старше меня на пять лет. Мне и было-то всего лет одиннадцать, когда он покинул родительский дом, а потом навещался лишь изредка и всякий раз бранился с отцом. Но он мой единственный брат, и он не лишен наследства. А ведь говорят, что покойных оказалось на одного больше.

– Нет, это не ваш брат! – уверенно заявил Берингар.

– Ну а вдруг это он? Тогда я должна опознать его и исполнить то, что подобает сестре. Я иду, – окончательно решила девушка.

– Думаю, вам не стоит ходить туда. И уж во всяком случае, нельзя идти одной.

«Сейчас она скажет, что ее будет сопровождать служанка», – с грустью подумал Хью, но вопреки его ожиданиям Элин сказала:

– Констанс я с собой не возьму: такое зрелище не для нее. Родных у нее там нет – так зачем же ей мучиться вместе со мной?

– В таком случае позвольте мне пойти с вами.

Похоже, Элин вообще не была способна хотя бы на малейшее лукавство. Ее растерянное лицо радостно просветлело, и она взглянула на него с искренним удивлением, признательностью и надеждой. Однако девушка все еще колебалась.

– Это весьма любезно с вашей стороны, но я не могу принять от вас такой жертвы. Меня призывает туда долг, но для чего вам подвергаться этому испытанию?

– Не отказывайте мне, прошу вас, – сказал Хью, заранее уверенный в ответе. – Если вы пойдете одна, я не буду знать ни минуты покоя. Но если вы скажете, что, настаивая, я лишь добавляю вам горестей, мне останется только молча повиноваться, что я и сделаю, – но не иначе, как на этом условии.

На такое Элин никак не могла пойти.

– Нет, это было бы ложью, – призналась она дрожащими губами, – откровенно говоря, я не слишком-то смелая, и, конечно, я вам очень благодарна.

Берингар добился, чего хотел, и постарался извлечь из этого все, что возможно. Зачем, например, ехать верхом, если можно пройти пешком через город и за это время узнать девушку как можно лучше?

Хью оставил своего коня в конюшне и направился с Элин по мосту, ведущему в Шрус-бери.

Брат Кадфаэль караулил тело убитого в уголке внутреннего двора, поблизости от арки, под которой в замок проходили горожане. Пришедшие поискать своих родичей или знакомых не могли миновать его, и всех Кадфаэль спрашивал, не знают ли они этого несчастного. Но в ответ каждый лишь молча отрицательно качал головой и бросал на Кадфаэля сочувственный, но и успокоенный взгляд, ибо никто так и не признал этого человека. Да и как мог Кадфаэль ожидать большего от этих бедняг, которые пришли сюда с единственной мыслью отыскать своих близких.

Прескот сдержал свое слово: пришедшим не чинили препятствий, никто их ни о чем не расспрашивал и даже не пытался узнать их имена. Новый шериф хотел, чтобы его замок как можно скорее избавился от того, что осталось от прежнего гарнизона. Стражникам, которыми командовал Курсель, было велено ни во что не вмешиваться и даже оказывать по возможности помощь этим непрошеным гостям, лишь бы только выпроводить их из замка до наступления темноты. Кадфаэль и караульных упросил взглянуть на неизвестного, но никто из них его не узнал. Курсель окинул тело долгим хмурым взглядом и покачал головой.

– Не припоминаю, чтобы видел его прежде. Что же могло возбудить у кого-то такую ненависть к этому, ничем не примечательному на вид сквайру, что он убил его?

– Убивают не только тех, кого ненавидят, – мрачно промолвил Кадфаэль. – Лесные разбойники и грабители с большой дороги хватают кого ни попадя, вовсе не испытывая к своим жертвам какой-либо вражды.

– Но его-то из-за чего было убивать? Какая с него пожива?

– Э, приятель, – сказал Кадфаэль, – в этом мире немало лиходеев, что готовы прикончить нищего из-за горсти медяков, которые он насобирал за день. Когда люди видят, что короли одним махом отправляют в лучший мир чуть ли не сотню человек, вся вина которых состояла лишь в том, что они сражались не на той стороне, то нет ничего удивительного в том, что некоторые оправдывают этим свои злодеяния, а если не оправдывают, то, во всяком случае, считают их простительными.

Кадфаэль заметил, что Курсель вспыхнул и в глазах его сверкнула искорка гнева, но молодой человек промолчал и возражать не стал.

– Да, я знаю, – продолжал монах, – что вы получили приказ и у вас не было выбора, оставалось только подчиниться. В свое время я и сам был солдатом и делал то, о чем теперь,

может быть, сожалею. Это, кстати, еще один довод в пользу того пути, который я в конце концов избрал.

– Но я, – сухо заметил Курсель, – вряд ли когда-нибудь приду к тому же.

– Было время, и я в это не верил. А нынче вот он я, и уж таким и останусь. Ну да каждый живет, как может.

«А хуже всего, – подумал монах, оглядывая бесконечные ряды мертвых тел, – что те, кто имеют власть, могут распоряжаться жизнями других».

Через некоторое время шеренги мертвецов слегка поредели. Примерно с дюжину забрали родители и жены. Скоро появятся и другие тачки, подталкиваемые по склону к воротам, а братья и соседи поднимут и увезут тела.

Нескончаемая вереница горожан по-прежнему тянулась под аркой ворот: робеющие женщины, закутанные в шали, и изможденные старцы устало и безропотно шли вдоль рядов в поисках своих близких. Немудрено, что и Адам Курсель, не привыкший выполнять подобные обязанности, чувствовал себя едва ли не таким же несчастным, как эти страдальцы.

Он стоял, в мрачном раздумье уставившись в землю, когда в воротах появилась Элин, которую вел под руку Хью Берингар. Лицо ее было бледным и напряженным, глаза широко раскрыты, а губы плотно сжаты. Она, как утопающий за соломинку, ухватилась за рукав своего спутника. Но голову девушка держала высоко и решительно шла вперед. Берингар старательно соизмерял свой шаг с ее поступью. Он не пытался отвлечь Элин от печального зрелища, открывшегося во дворе, и лишь порой искоса поглядывал на нее. «Этот молодец, несомненно, дал бы маху, – подумал Кадфаэль, – если бы со всем пылом бросился опекать девицу, словно предъявляя на нее свои права». Сколь ни была она молода, бесхитростна и нежна, девушка происходила из гордого патрицианского рода, и с кровью, которая течет в ее жилах, шутить нельзя. Раз уж она явилась сюда по делу, касающемуся ее семьи, она отнюдь не поблагодарила бы человека, попытавшегося оградить ее от того, что она почитала своим долгом. Однако она не могла не испытывать признательности за ненавязчивое и тактичное поведение сопровождавшего ее молодого человека.

Курсель вскинул глаза, словно при их приближении он ощутил какое-то тревожное дуновение, и увидел, как эта пара появилась во дворе под немилосердными лучами полуденного солнца, которые беспощадно высветили все детали. Он вздрогнул, копна его волос сверкнула на солнце, словно куст цветущего дрока.

– Боже мой! – воскликнул Адам и бросился наперерез, чтобы перехватить их при входе. – Элин! – вырвалось у него. – Сударыня! Почему вы здесь? Это место и это зрелище не для вас. Удивляюсь, – сердито обратился он к Берингару, – как вы могли привести ее сюда, чтобы лицезреть столь ужасающую картину?

– Это не он, – поспешно возразила Элин, – я сама настояла на том, чтобы прийти сюда. Он не мог помешать мне и даже был настолько любезен, что проводил меня.

– Стало быть, дорогая леди, вы поступили неразумно, взвалив на себя такое испытание, – страстно убеждал ее Курсель. – Какое же дело могло привести вас сюда? Ведь среди казненных не может быть никого из ваших близких.

– Дай-то Бог, чтобы вы оказались правы, – промолвила девушка.

Не отрывая глаз, смотрела она на спеленутые в саваны тела, лежавшие у ее ног. Глаза ее казались огромными на мертвенно-бледном лице, но если поначалу в них был виден один лишь ужас, то постепенно его сменило выражение сострадания.

– Но я должна знать! Есть только один способ удостовериться, и раз он годится для остальных, значит, годится и для меня. Вы же знаете, у меня есть брат, вы были там, когда я рассказывала королю...

– Но его не может быть здесь. Вы же сами сказали, что он бежал в Нормандию.

– Я сказала, что до меня дошли такие слухи, но кто знает? Может быть, он добрался до Франции, а может, вступил в какой-нибудь отряд приверженцев императрицы поближе к дому – почему мне знать? Я должна сама убедиться в том, что он не был в гарнизоне Шрусбери.

– Но все, кто служил в гарнизоне замка, известны наперечет. Никто не называл вашего брата в их числе.

– Шериф объявил, – деликатно вмешался Берингар, до сих пор не открывавший рта, – что здесь есть один неизвестный – один лишний труп.

– Дайте мне пройти и взглянуть самой, – мягко, но настойчиво потребовала Элин, – иначе я не буду знать покоя.

Как бы ни был Курсель опечален или раздосадован, но препятствовать ей он не имел права. Благо, что этот покойник лежит поблизости от входа – пусть посмотрит и успокоится.

– Он здесь, – сказал Курсель и повел Элин туда, где стоял брат Кадфаэль. Девушка пригляделась к монаху, и на лице ее неожиданно промелькнула удивленная улыбка.

– Мне кажется, я тебя знаю. Я видела тебя в аббатстве. Ты ведь брат Кадфаэль, травник?

– Так меня зовут, – ответил монах, – хотя я не представляю себе, как ты это запомнила.

– Я расспрашивала о тебе привратника, – покраснев, призналась Элин. – Я видела тебя у вечерни и у повечерия, и... прости меня за нескромность, но мне показалось, что в миру ты вел бурную и полную приключений жизнь. Привратник сказал, что ты был в Крестовом походе, штурмовал Иерусалим с Годфридом Бульонским. Вот если бы... Ой! – спохватилась девушка, смущенная собственной неуместной горячностью.

Элин потупила глаза, и взгляд ее упал на молодое лицо мертвеца. Она смотрела на него молча, не в силах отвести взор, но лицо ее стало менее напряженным. Лежавший перед ней человек, такой молодой и выглядевший почти мирно, не был ее братом.

– Ты, как добрый христианин, оказываешь им всем добрую услугу, – тихонько произнесла Элин. – А это тот самый, который оказался лишним при счете?

– Да, это он. – Кадфаэль наклонился и отдернул холстину. Одежда покойного была добротной, но простой, и во всем его облике не было ничего воинственного. Если не считать кинжала, который каждый берет в дорогу, он не был вооружен.

Элин подняла глаза. За ее спиной Хью Берингар хмуро и сосредоточенно разглядывал круглое лицо, которое при жизни было, должно быть, веселым и добродушным.

– Ты говоришь, – спросила она, – он не участвовал в сражении и не был захвачен в плен вместе с защитниками замка?

– Похоже, что так. Ты не узнаешь его?

– Нет. – Элин снова с неподдельным состраданием бросила взгляд на юношу. – Такой молодой. Как жаль! Хотелось бы назвать его имя, но мне никогда не доводилось его встречать.

– А вам, мастер Берингар?

– Нет. Мне он незнаком. – Хью не отводил от мертвеца мрачного взгляда. Они были почти ровесниками, не больше года разницы в возрасте. А всякий, кто хоронит ровесника, как будто присутствует на собственных похоронах.

Курсель, в нетерпении ожидавший поблизости, взял девушку за руку и убежденно сказал:

– Идемте. Вы выполнили свой долг, и вам следует сейчас же покинуть это печальное место – оно не для вас. Вы видите, все ваши опасения были напрасны – вашего брата здесь нет...

– Нет, – прервала его Элин, – это не он, но не исключено, что он... Я не могу ни в чем быть уверена, пока не увижу их всех. – Она молча отвела настойчивую руку Курселя. – Я осмелилась прийти сюда, и мне уж всяко не хуже, чем любому из этих несчастных. – С мольбой во взоре девушка обернулась к монаху: – Брат Кадфаэль, ты знаешь, что я должна облегчить душу. Ты пойдешь со мной?

– Охотно, – ответил монах и повел Элин, не говоря больше ни слова, ибо отговорить ее было все равно невозможно, да к тому же он считал, что этого делать не стоит.

Оба молодых человека следовали за ними бок о бок, ни один не желал уступить другому. Элин смотрела вниз, вглядываясь в каждое лицо. Вид у нее был измученный, но держалась она решительно.

– Ему сейчас двадцать четыре, он не очень похож на меня, волосы потемнее... О, здесь слишком много таких же молодых.

Они прошли уже больше половины скорбного пути, как вдруг девушка схватила Кадфаэля за руку и застыла как вкопанная. У нее перехватило дыхание, и она не вскрикнула, а простонала, тихо, так что услышал только Кадфаэль, который стоял ближе всех. «Жиль», – произнесла она снова, чуть громче. Краска сошла с ее лица, и оно казалось почти прозрачным. Элин впилась взглядом в мертвое лицо, бывшее когда-то надменным, своенравным и красивым. Она упала на колени и, бросившись мертвому брату на грудь, заключила его в объятия. Ее золотистые волосы рассыпались и волной накрыли оба лица – живое и мертвое.

Брат Кадфаэль, поднаторевший в подобных делах, оставил бы девушку в покое, пока не стало бы ясно, что она нуждается в утешении, однако Адам Курсель торопливо оттолкнул монаха, рухнул на колени рядом с нею и подхватил ее под руки, пытаясь поднять. По-видимому, это событие поразило его не меньше, чем Элин. На лице его было написано смятение, и он начал заикаться.

– Сударыня! Элин... Господи, неужто это ваш брат?.. Если б я знал... если б только я знал... я бы спас его ради вас... Чего бы это мне ни стоило!.. Господи, прости меня!

Откинув завесу золотистых волос, девушка подняла на Курселя сухие глаза и, увидев, как он убивается, промолвила с удивлением и сожалением:

– Не надо. В этом нет вашей вины. Вы не могли знать, вы лишь исполняли приказ. Да и как можно было спасти одного и дать погибнуть остальным?

– Так это действительно ваш брат?

– Да, – сказала Элин, глядя на мертвого юношу, – это Жиль. – Она собралась с духом, ибо узнала худшее. Теперь ей надлежало исполнить то, что не вправе был сделать никто, кроме нее, ведь она осталась единственной в своем роду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.